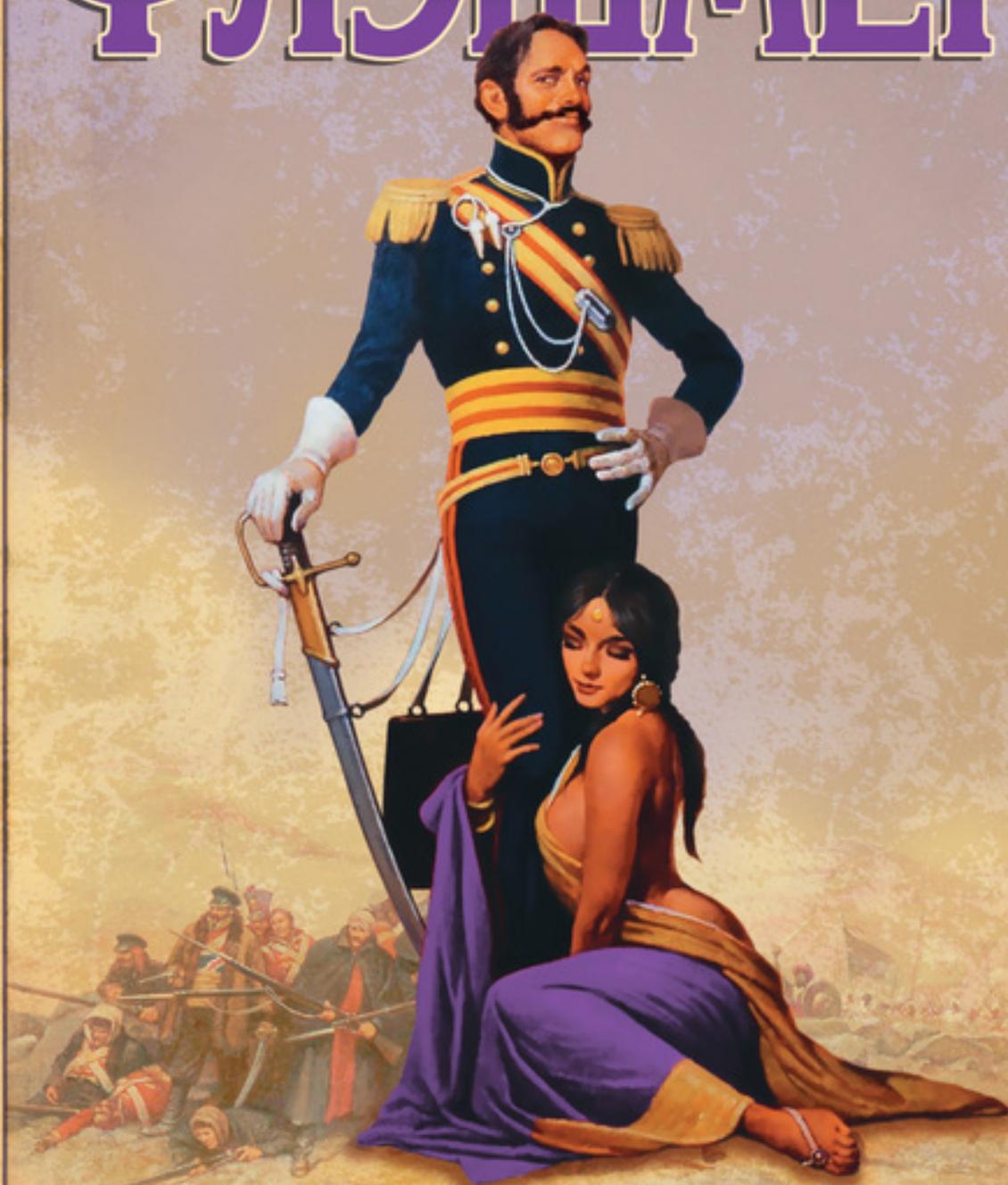

ФЛЭШМЕН

«Если и было время, когда я чувствовал себя как “астроном, в чей взор вливается новое светило”, так это было тогда, когда я читал первую книгу о Флэшмене».

П.Г. Вудхауз, создатель Дживса и Вустера

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД ФРЕЙЗЕР

Записки Флэшмена

Джордж Фрейзер

Флэшмен

«ВЕЧЕ»

1969

Фрейзер Д. М.

Флэшмен / Д. М. Фрейзер — «ВЕЧЕ», 1969 — (Записки Флэшмена)

ISBN 978-5-9533-1934-8

Может ли человек, изгнанный из школы за пьянство, соблаздивший любовницу отца, который врет напрапалую, а в минуту опасности предпочитает взять не саблю, а ноги в руки... может ли такой человек стать героем, которым будет гордиться сама королева? Гарри Флэшмен – ловкач, повеса и секретный агент поневоле рассказывает, как это было возможно в ту благословенную эпоху, когда Британия – владычица морей – решила поучить уму-разуму сухопутных туземных дикарей. В своих скандально знаменитых «Записках» Флэшмен, с присущим ему остроумием и цинизмом, поведал – из какого теста были сделаны вершители истории, о которых пишут много красивой правды, забывая про некрасивую истину. Судьба уготовила Флэшмену роскошную одиссею, перенаправив хитрого пройдоху из лона цивилизованной Европы в самое пекло колониальной Азии, населенной косматыми дикарями, для которых убить человека так же легко, как для англичанина сходить на рыбалку. Лейтенанта Флэшмена ждут дуэли и перестрелки, страшные подземелья и ямы с ядовитыми змеями, засады, побеги, штурмы крепостей, множество красоток и еще больше смертельных врагов.

ISBN 978-5-9533-1934-8

© Фрейзер Д. М., 1969

© ВЕЧЕ, 1969

Содержание

Записки Флэшмена	7
Пояснительная записка	8
I	11
II	14
III	22
IV	35
V	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джордж Макдоналд Фрейзер Флэшмен

George MacDonald Fraser

Flashman

© George MacDonald Fraser, 1969

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2011

«Если вам не приходилось читать про Флэшмена... Что ж, даже не знаю, стоит мне жалеть вас или завидовать, поскольку впереди вас ждет по-настоящему отличное чтение»

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН, автор бестселлера «Игра престолов»

«Джордж Макдоналд Фрейзер относится к тем писателям, чьи книги я буду покупать автоматически, зная, что благодаря им жизнь моя становится чуточку богаче»

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ, автор серии «Плоский мир»

«Смачный шлепок по темечку ранневикторианской эпохи»

OBSERVER

«Давно не встречалось такого обаятельного антигероя... Удивительно и возмутительно...»

PUBLISHERS WEEKLY

Записки Флэшмена

Флэшмен

(1839–1842: Англия, Индия, Афганистан)

Флэш по-королевски

(1842–1843, 1847–1848: Англия, Германия)

Флэш без козырей

(1848–1849: Англия, Западная Африка, США)

Флэшмен на острие удара

(1854–1855: Англия, Россия, Средняя Азия)

Флэшмен в Большой Игре

(1856–1858: Шотландия, Индия)

Флэшмен под каблуком

(1842–1845: Англия, Борнео, Мадагаскар)

Флэшмен и краснокожие

(1849–1850, 1875–1876: США)

Флэшмен и Дракон

(1860: Китай)

Флэшмен и Гора Света

(1845–1846: Индийский Пенджаб)

Флэшмен и Ангел Господень

(1858–1859: Индия, Южная Африка, США)

Флэшмен и Тигр

(1878–1894: Англия, Австро-Венгрия, Южная Африка)

Флэшмен на марше

(1867–1868: Абиссиния)

Посвящается Кейт

Пояснительная записка

Огромный массив рукописных документов, известных как «Записки Флэшмена», был обнаружен во время распродажи домашней обстановки в городе Эшби, Лестершир в 1965 году. Впоследствии бумаги были переданы мистеру Пэджету Моррисону, проживающему в Южной Африке, в городе Дурбане, и являющемуся ближайшим, среди всех известных на данный момент, родственником автора.

С точки зрения литературоведения «Записки» позволили неопровержимо установить факт, что Флэшмен – отъявленный хулиган из книги Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» и носивший то же имя прославленный военный деятель Викторианской эпохи – одно лицо. «Записки» являются, по существу, личными мемуарами Гарри Флэшмена, охватывающими период от момента его исключения из школы в конце тридцатых годов XIX века до первых лет нашего столетия¹. По всей видимости, они были написаны между 1900 и 1905 годами, когда автору было уже за восемьдесят. Не исключено, что он продиктовал их.

До своего явления на аукционе в Эшби бумаги, бережно завернутые в промасленную ткань, оставались нетронутыми в течение более полувека, лежа в коробке из-под чая. Из переписки, найденной в первом пакете, можно сделать вывод, что мемуары были обнаружены родственниками великого солдата в 1915-м, уже после его смерти, и эта находка повергла их в ужас. Все единодушно высказались против публикации автобиографии члена их семьи по причинам, которые станут понятны любому, кто пожелает ознакомиться с текстом этих мемуаров. Удивление вызывает лишь тот факт, что рукопись не была уничтожена.

К счастью, она сохранилась, и ниже следует содержимое первого пакета, охватывающего ранние приключения Флэшмена. У меня нет причин сомневаться, что это совершенно правдивый рассказ: там, где Флэшмен касается исторических фактов, он почти всегда исключительно точен, а насчет более личных моментов читатель сам вправе судить, верить ему или нет.

¹ Первый том «Записок» был опубликован Дж. М. Фрейзером в 1969 г.

Мистер Пэджет Моррисон, будучи поставлен в известность о моем интересе к этой и последующим частям мемуаров, попросил меня отредактировать их. Впрочем, за исключением ряда мелких орфографических ошибок, «Записки» не требовали какой-либо особой редакции. Флэшмен в гораздо большей степени, чем я, был наделен даром рассказчика, и моя роль свелась лишь к добавлению нескольких исторических примечаний и комментариев.

Цитата из книги «Школьные годы Тома Брауна», наклеенная на верхнюю страницу пакета, была, очевидно, вырезана из первого издания, вышедшего в 1856 году.

Дж. М. Ф.

ФЛЭШМЕН, *Гарри Пэджет*, бригадный генерал. Крест Виктории, кавалер ордена Бани, кавалер ордена Индийской империи, орден Почетного легиона, медаль Почета США, орден Чистоты и Правды Сан-Серафино IV степени.

Д.р. 5 мая 1822 г. Сын Г. Бакли Флэшмена, эсквайра из Эшби и достопочт. Алисии Пэджет. Образ.: Рагби-скул. Жен. на Элспет Ренни Моррисон, дочери лорда Пэйсли; имеет сына и дочь.

Служил в Афганистане в 1841–1842 гг. (медали, благодарность Парламента); Крымская кампания (штаб); Сипайский мятеж (Лакноу и т. д., Крест Виктории); Китай, Восстание тайпинов. Служба в армии США: майор (юнионисты), 1862 г.; полковник штаба (конфедераты), 1863 г.

Сменил множество военных и гражданских профессий, в т. ч.: адъют. Его Величества Максимилиана, императора Мексики; воен. советн. Е.В. королевы Мадагаскара Ранавалуны; нач. штаба раджи Саравака; помощник шерифа (США). През. общества с ограниченной ответственностью «Флэшмен и Боттомли» (Батавия); директор Британской Опиумной Торговой компании; член попечительского совета Рагби-скул; почетный председатель Мис-

сии по поддержке угнетенных женщин. Труды и публикации: «Дни и странствия солдата», «Между казаками и пушками», «Трактат против реформы армии».

Клубы: «Уайтс», «Юнайтед Сервис», «Блэкджек» (Батавия). Увлечения: восточные языки, рыбная ловля. Проживает: Гандамак-лодж, Эшби, Лестершир.

«Who's Who», ed. 1909

Как-то погожим летним вечером Флэшмен угощался джиновым пуншем в Браунсвере. Изрядно нагрузившись, он в приподнятом настроении отправился домой. По пути ему встретились двое приятелей, возвращавшихся из купальни. Флэшмен предложил им выпить по кружечке пива. Те согласились. Погода стояла жаркая, пить друзья хотели страшно, и вовсе не догадывались о количестве спиртного, уже принятого на борт Флэшменом. Неизбежным результатом встречи стало то, что Флэши нализался как свинья. Событыльники попытались вести его, взявши под руки, но не тут-то было, тогда они наняли двух человек, чтобы нести Флэшмена на куске плетня. Внезапно на дороге показался один из школьных наставников, и приятели, естественно, дали деру. Бегство пробудило в ученом муже подозрения, а добрый ангел фагов надоумил его проверить, что же такое несли эти сорванцы; проверив, возмущенный профессор лично сопроводил носилки в школьный корпус, и директор, давно точивший зуб на Флэшмена, на следующее утро исключил разгильдяя.

Томас Хьюз «Школьные годы Тома Брауна»

I

Хьюз допустил неточность в одной существенной детали. Как вы могли прочитать в «Томе Брауне», меня выгнали из Рагби за пьянство, и это в принципе верно, но когда Хьюз полагает, что это стало следствием моего неосторожного употребления пива поверх пунша с джином, здесь он заблуждается. Даже в свои семнадцать я отлично знал, как смешивать напитки.

Я говорю это не чтобы оправдаться, а лишь в интересах восстановления истины. Рассказанная ниже история является исключительно правдивой, тут я изменил присущей мне в течение восьмидесяти лет привычке. Почему я так поступил? Когда человек достигает такого возраста, как я сейчас, и понимает, что его ждет, ему уже все равно. Я, как видите, не испытываю стыда, и никогда его не испытывал. У меня в избытке есть все то, что Общество считает достойным для нанесения на надгробной плите: рыцарское звание, Крест Виктории, высокий титул, даже слава. И вот, глядя на стоящий на моем столе портрет молодого офицера гусарского полка Кардигана – высокого, представительного и чертовски привлекательного, каким я был в те годы (даже Хьюз соглашается, что я был сильным, стройным и умел располагать к себе людей), – я говорю, что это портрет подлеца, лжеца, мошенника, вора и труса... ах, да, еще и подхалима. Обо всех этих качествах Хьюз так или иначе упоминал, и его описание совершенно правдиво, за исключением мелких деталей, подобных той, на которую я указал выше. Но автор больше стремился читать мораль, нежели сообщать факты.

Меня же интересуют именно факты. И хотя многие из них говорят не в мою пользу, они, смею вас уверить, точны.

Так что Хьюз ошибался, говоря, что якобы я ратовал за пиво. Это Спидикат заказал пиво, а я попросту влил его в плотку (поверх всех ранее принятых порций пунша с джином) прежде, чем сообразил, что делаю. Это и доконало меня. Я окончательно захмелел – «нализался как свинья», говорит Хьюз, и он совершенно прав, и когда приятели вывели меня из «Виноградной лозы», я уже едва держался на ногах. Друзья погрузили меня в импровизированный портшез, и тут вдруг появился преподаватель, и Спидикат, оправдывая свое имя, испарился². Я остался лежать, развалившись на сиденье, и подошедший учитель, естественно, заметил меня. Им оказался старый Рафтон, один из заведующих пансионом у Арнольда.

– Боже милосердный! – вскричал он. – Это же один из наших мальчиков, и он пьян!

Я еще способен был различить его вытаращенные, круглые, как ягоды крыжовника, глаза и седые бакенбарды. Он попытался поднять меня, но с таким же успехом мог попытаться оживить труп. Я только лежал и хихикал. В конце концов он вышел из терпения, замолотил по сиденью тростью и закричал:

– Эй, носильщики! Берите-ка его, да несите в школу! Он предстанет за это перед директором!

И вот процессия, в которую входили старый Томас, носильщики и Рафтон, идущий последним и изрыгающий нравоучения по поводу греха неумеренности, доставила меня в лазарет, где я был переложено на койку для протрезвления. Это не заняло много времени, скажу вам, и, как только мои мысли немного прояснились, я стал размышлять о предстоящих событиях. Если вы читали Хьюза, то имеете представление о нашем директоре – докторе Арнольде. Он даже в лучшие времена не питал ко мне добрых чувств. Самое меньшее, на что я мог рассчитывать – порка перед всей школой. Уже одна эта мысль повергла меня в ужас, но сам Арнольд страшил меня еще больше.

² Спидикат (англ. Speedicut) – т. е. «Быстрый, стремительный». – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Меня продержали в больнице пару часов, а потом пришел старый Томас и сказал, что директор хочет видеть меня. Я последовал за Томасом вниз по лестнице и через двор школьного корпуса, а фаги³ выглядывали из-за углов и перешептывались между собой, что, мол, скотина Флэши таки попался. Томас постучал в дверь кабинета доктора, и возглас «Войдите!» прозвучал для меня, как скрип адских врат.

Доктор стоял перед камином, сложив руки за спиной, из-за чего фалды его фрака некрасиво оттопырились, и глядел на меня как турок на христианина. Глаза директора сверкали, что остря сабель, лицо было бледным, и на нем застыло то выражение омерзения, каковое он приберегал как раз для подобных случаев. Даже под воздействием не выветрившихся до конца паров спиртного я почувствовал в это мгновение такой страх, какого не испытывал никогда в жизни – а если вам приходилось скакать под артиллерийским огнем русских пушек под Балаклавой или дожидаться пыток в афганской темнице, как это было со мной, – то вы можете представить, что такое страх. Даже сейчас, когда этот человек вот уже лет шесть-десять как умер, я все еще чувствую себя неудобно, вспоминая о докторе Арнольде.

Но тогда он был жив. Да еще как. Директор помолчал с минуту, чтобы дать мне дозреть. А потом и говорит:

– Флэшмен, в жизни школьного учителя нередко бывают моменты, когда он должен принять решение а после ему приходится спрашивать себя, правильно ли он поступил или совершил ошибку. Я сейчас принял решение, и впервые не сомневаюсь, что прав. Я наблюдал за тобой уже в течение нескольких лет, и чем дальше, тем более пристально. Ты оказываешь дурное влияние на школу. То, что ты – задира, я знал; то, что ты – лжец, давно подозревал; то, что ты – подлец и хам, боялся; но я не мог себе даже представить, что ты падешь так низко, сделавшись еще и пьяницей! Я искал в тебе хоть малейшие признаки исправления, хоть какие-то проблески благородства, хотя бы слабенькие лучики надежды на то, что мои старания в отношении тебя не прошли даром. И ничего не нашел. И вот – бесславный финал. Тебе есть, что сказать?

К этому моменту он довел меня до слез. Я пробормотал что-то насчет того, что весьма сожалею о случившемся.

– Если бы хоть на минуту, – сказал он, – я поверил бы, что ты *действительно* сожалеешь, если бы увидел в тебе признаки *истинного* раскаяния, то, может быть, поколебался, стоит ли предпринимать мне тот шаг, который я готов совершить, или нет. Но я слишком хорошо знаю тебя, Флэшмен. Ты покинешь Рагби завтра же.

Будь я способен трезво поразмыслить, то, наверное, пришел бы к выводу, что это не такая уж и плохая новость, но так как Арнольд напугал меня, я совсем потерял голову.

– Но сэр, – рыдая, залепетал я, – это же разобьет сердце моей матери!

Доктор побледнел, как привидение, заставив меня отпрянуть. Казалось, он был готов ударить меня.

– Бессовестная скотина! – заорал он (директор был мастак произносить подобные фразы). – Твоя мать умерла много лет назад, и ты смеешь марать ее имя, – имя, которое должно быть свято для тебя, – стараясь приккрыть им собственные грехи? Ты убил во мне последнюю искру жалости к тебе, Флэшмен!

– Мой отец...

– Твой отец, – оборвал Арнольд, – сам сообразит, как обойтись с тобой. И я сильно сомневаюсь, – добавляет он, бросив на меня выразительный взгляд, – что его сердце будет разбито.

³ Фаги (*жарг.* «прислужники, лакеи») – младшие ученики в английской привилегированной частной средней школе, выполнявшие поручения старшеклассников. Должны были будить старших по утрам, чистить им обувь и т. п.

Как вы можете догадаться, он знал кое-что о моем папаше и наверняка полагал, что мы с отцом два сапога – пара.

С минуту директор постоял, крутя пальцами сцепленных рук, а потом сказал уже совершенно другим тоном:

– Ты – жалкое создание, Флэшмен. Я разочаровался в тебе. Но даже тебе я могу сказать, что еще не все потеряно. Ты не можешь остаться здесь, но ты молод, Флэшмен, и у тебя все впереди. Хотя грехи твои черны, как смоль, они еще могут стать белыми, как снег. Ты пал очень низко, но еще можешь подняться...

У меня не слишком хорошая память на проповеди, а доктор всё продолжал бубнить в том же духе, как и положено старому набожному ханже, каковым он, в сущности, и являлся. Мне кажется, он был таким же ханжой, как и почти все его поколение. Или просто казался глупее, чем можно было подумать, когда растрачивал свое благочестие на меня. Как бы то ни было, сам Арнольд так этого никогда и не понял.

В завершение он напутствовал меня последним благонравным поучением насчет спасения через покаяние. В это, кстати, я никогда не верил. В свое время мне частенько приходилось каяться, и по серьезным причинам, вот только я никогда не был настолько глуп, чтобы придавать этому хоть какое-нибудь значение. Но я накрепко усвоил науку: никогда не плыви против течения, и поэтому не мешал ему читать проповедь, а когда он закончил, то я вышел из его кабинета гораздо более счастливым, чем вошел. Главное, что удалось избежать порки. Исключение же из Рагби меня не волновало. Мне там никогда не нравилось, и при мысли об изгнании я совершенно не испытывал должного как будто бы стыда. (Несколько лет назад меня пригласили в Рагби на вручение наград, и никто не вспомнил тогда о моем исключении. Это доказывает, что и сейчас все там такие же лицемеры, какими были во времена Арнольда. Я даже толкнул речь о храбрости и т. п.)

Я покинул школу на следующее утро: уехал в двуколке, уложив наверх свои вещи. Подозреваю, что картина моего отъезда доставила многим немалую радость. Уж фагам-то точно. В свое время я им устроил веселую жизнь. И представляете, кто ждал меня у ворот? Не кто иной, как этот крепыш Скороход Ист⁴. Сначала я решил, что тот пришел поиздеваться, но все обернулось по-другому. Он даже протянул мне руку.

– Сожалею, Флэшмен, – заявляет он.

Я спросил, о чем это он сожалеет, проклиная про себя его наглость.

– Сожалею, что тебя исключили, – отвечает Ист.

– Врешь ты все! – говорю я. – А сожаление свое засунь, куда подальше.

Он посмотрел на меня, развернулся на каблуках и ушел. Теперь-то я знаю, что был несправедлив к нему тогда. Бог знает почему, но его сожаление *было искренним*. У него не было причин любить меня, и на его месте я бы подбрасывал в воздух кепку и кричал «ура». Но он был добряком – одним из этих убежденных идиотов Арнольда, мужественным маленьким человечком, преисполненным, разумеется, всякой там добродетели, которую так обожают школьные учителя. Как он был дураком тогда, так и остался им двадцать лет спустя, когда умирал в пыли Канпура, с торчащим из спины сипайским штыком. Доблестный Скороход Ист! Вот и все, что получил он за свое благородство и хваленую добродетель.

⁴ Скороход Ист – персонаж романа Т. Хьюза, один из младших школьников, которому не раз доставалось от Флэшмена. В конце концов Ист вместе с Томом Брауном задал Флэшмену хорошую трепку.

II

Я решил не мешкать по дороге домой. Зная, что отец в Лондоне, мне хотелось как можно быстрее покончить с неприятной обязанностью и поставить его в известность о моем изгнании из Рагби. Поэтому, не дожидаясь багажа, я отправился в город верхом, наняв по случаю лошадь в «Джордже». Я принадлежу к людям, которые садятся в седло раньше, чем научатся ходить. Воистину, искусство наездника и способность с налету схватывать иностранные языки можно было назвать единственными дарами, доставшимися мне от рождения, и очень часто они оказывали мне хорошую службу.

Итак, я направился в город, ломая голову над тем, как отец воспримет «добрые» вести. Он был тот еще фрукт, «сатрап», как я его прозвал, и мы всегда подозрительно относились друг к другу. Папаша, понимаете ли, был внуком набоба. Старый Джек Флэшмен, сделав в Америке состояние на роме и рабах (не удивлюсь также, если он промышлял и пиратством), обзавелся имением в Лестершире, где мы с тех пор и обитаем. Но, несмотря на свои денежные мешки, Флэшмены так и не вышли в свет. «Поколения сменяли поколения, но дерюга по-прежнему просвечивалась под фраком, словно навоз под розовым кустом», как сказал Гревиль⁵. Иными словами, пока другие семьи набобов стремились перевести количество в качество, наша здесь ничего не достигла, потому что оказалась неспособна. Мой отец первым сделал выгодную партию, поскольку матушка моя была из Пэджетов, сидящих, как всем известно, одесную от Господа. Поэтому он приглядывал за тем, как я проявлю себя. До смерти матери мы виделись нечасто, поскольку отец проводил время в клубах или охотничьем домике – иногда лисы, но по большей части – женщины, – но после того как он овдовел в нем проснулся интерес к своему наследнику, и чем больше мы узнавали друг друга, тем сильнее становилось взаимное недоверие.

Полагаю, на свой манер он был неплохим малым, крепко сложенным и с огненным темпераментом, что не слишком скверно для сельского сквайра, имеющего достаточно денег, чтобы получить доступ в Вест-Энд. В молодые годы он даже заработал некую славу, выстояв несколько раундов против Крибба, хотя мне сдается, что Чемпион Том⁶ дрался не в полную силу, за что получил наличными. Полгода отец проводил в городе, полгода в деревне, содержал дорогой дом, но отошел от политики, оказавшись на ее задворках после Реформы⁷. Что его занимало, так это бренди и зеленое сукно, да еще охота – как того, так и другого вида.

Так что я не с легким сердцем поднялся по ступенькам и постучал в дверь. Освальд, дворецкий, поднял крик, увидев, кто стоит перед ним, и это привлекло прочих слуг – без сомнения, они чуяли скандал.

– Мой отец дома? – спросил я, подавая Освальду сюртук и развязывая шейный платок.

– Ваш батюшка? А как же, мистер Гарри! – вскричал Освальд, расплываясь в улыбке. – Он сейчас в салоне! – Он распахнул дверь и гаркнул:

– Мистер Гарри вернулся, сэр!

Отец, развалившись, лежал на канапе, но, увидев меня, вскочил. В руке он держал стакан, а лицо его полыхало краской, но и то и другое было столь привычным, что трудно было сказать, пьян он или нет. Поглядев на меня некоторое время, он таки поприветствовал своего отпрыска:

– И какого черта ты тут делаешь?

⁵ Сэр Фульк Гревиль, первый барон Брук (1554–1628) – поэт и государственный деятель Елизаветинской эпохи.

⁶ Том Крибб (1781–1848) – знаменитый английский боксер, неоднократный чемпион Англии.

⁷ Имеется в виду демократическая парламентская реформа 1832 г., ликвидировавшая многие избирательные округа, контролируемые местными землевладельцами, и таким образом затруднившая им прохождение в Парламент.

В любой другой день я был бы обескуражен таким приемом, но не сегодня. В комнате была женщина, и она привлекла мое внимание. Стройная, красивая, пикантная штучка, каштановые волосы собраны на затылке, а взгляд будто говорил: «подойди и возьми меня». «Это новенькая», – подумал я, вспомнив о чередке его «мадмуазелей», которые менялись чаще, чем часовые у Сент-Джеймского дворца.

Она глядела с ленивой, полунасмешливой улыбкой, заставившей меня вздрогнуть и одновременно устыдиться моего школьного костюма. Но я взял себя в руки и не промедлил с ответом на вопрос.

– Меня исключили, – сказал я, настолько спокойно, насколько мог.

– Исключили? Ты хочешь сказать, выгнали? И за что же, черт вас побери, сэр?

– По преимуществу за пьянство.

– По преимуществу? Боже милосердный!

Он сделался пунцовым и стал переводить глаза то на меня, то на женщину и обратно, словно пытаюсь осознать нечто. Ее, похоже, это забавляло, но видя, что старый пень вот-вот вспыхнет, я поспешил познакомить его с подробностями случившегося. Рассказ был достаточно правдивым, разве что про разговор с Арнольдом я малость загнул: послушав меня, вы бы пришли к выводу, что я молодец хоть куда. Видя, что дама с интересом смотрит на меня, я вдохновенно импровизировал, что было, конечно, весьма рискованно, имея дело с нашим сатрапом, особенно в его теперешнем настроении. Но, к моему удивлению, все сошло гладко. Да и понятно: Арнольд ему тоже никогда не нравился.

– Ну, хорошо, черт побери! – заявил он, когда я закончил, и налил себе еще. Он не улыбался, но чело его разгладилось. – Эх, ты, щенок! Хорошенькое положеньице, право слово. Изгнан с позором, клянусь богом! Тебя не выпороли? Нет? Я бы располосовал тебе спину. Впрочем, может, я так и сделаю, проклятье!

Но он уже улыбался, хотя и криво.

– Что ты об этом скажешь, Джуди? – обратился он к женщине.

– Как я понимаю, это родственник? – сказала она, указывая на меня веером. Голос у нее был глубокий, хрипловатый, и я снова затрепетал.

– Родственник? Кто? А, черт, да это же мой сын Гарри, девочка! Гарри, это Джуди... хм... Мисс Парсонс.

Она улыбнулась мне, сопроводив улыбку все тем же полунасмешливым взглядом, и я приосанился – не забывайте, мне тогда было только семнадцать, – и прикоснулся губами к кончикам ее пальцев, пока отец опрокидывал очередной стакан, проклиная Арнольда и всех этих пуританских святош. Она была из тех, о ком говорят «сложена, как античная богиня» – широка в кости и полногруда, а в те времена это встречалось гораздо реже, чем в наши дни, и еще мне показалось, что ей доставляет удовольствие лицезреть Гарри Флэшмена.

– Ну хорошо, – сказал отец, закончив извергать проклятия по адресу тех, кто доверяет таким педантам и буквоедам управление общественными школами. – Так что же нам теперь с тобой делать, а? Как прикажете поступать с вами, сэр? Теперь, когда вы запятнали наш дом бесчестьем?

Я размышлял над таким оборотом событий по дороге домой и сразу высказал намерение поступить в армию.

– В армию? – буркнул отец. – Надо полагать, ты имеешь в виду, чтобы я купил тебе эполеты, позволив жить королем и превратить меня в нищего оплатой по твоим векселям из Гвардейского клуба?

– Речь не о Гвардии, – заявил я, – у меня был на примете Одиннадцатый легкий драгунский полк.

– Так ты уже и полк выбрал? – он удивленно уставился на меня. – Проклятье, вот это хватка!

Мне было известно, что Одиннадцатый расквартирован в Кентербери. Он долго нес службу в Индии, и потому вероятность его отправки куда-нибудь за границу было невелика. У меня всегда имелось свое понятие о службе в армии. Но сатрап был пока слишком ошарашен: он начал распространяться о дороговизне армейской жизни, перескочил на мое изгнание и мой характер в целом, потом опять вернулся к армии. Я видел, что портвейн оказывает на него горячительное воздействие, и почел за лучшее не давить.

– Драгуны, черт побери?! – грохотал он. – А ты знаешь, сколько стоит патент корнета? Без понятия? Никогда не слышал об этом? Конечно, не так ли, Джуди?

Мисс Джуди выразила мнение, что из меня может получиться весьма бравый драгун.

– Да? – сказал отец, бросив на нее удивленный взгляд. – Что ж, может, и получится. Поглядим. – Он мрачно посмотрел на меня.

– Отправляйся-ка пока спать, – сказал он. – Мы поговорим об этом утром. Ты пока еще в немилости.

Но выйдя из комнаты, услышал, как он вновь принялся склонять Арнольда почем зря, так что я укладывался спать в прекрасном настроении и не сомневался в благополучном для себя решении вопроса. Конечно, папаша был тот еще фрукт, и никто не мог угадать, какое коленце он выкинет в следующую минуту.

Как бы то ни было, утром, когда я присоединился к отцу за завтраком, речь об армии даже не заходила. Он был слишком занят метанием молний в адрес Бругама, – который, насколько я мог понять, предпринял отчаянную атаку на Королеву в парламенте⁸, – и обсаживанием скандала вокруг леди Флоры Гастингс⁹, о чем писала «Пост», и не обращал на меня особого внимания, а потом отправился в свой клуб. Такой расклад меня пока вполне устраивал, поскольку мой принцип – не заниматься несколькими вещами сразу, а сейчас мои мысли занимала только мисс Джуди Парсонс.

Раз уж зашел разговор, скажу, что в моей жизни было несколько сотен женщин, и я не из тех, кто хвастает своими победами. Да, немало я дел натворил в свое время, и, не сомневаюсь, немалое количество среднего возраста лиц обоего пола могли бы отозваться на имя «Флэшмен», если бы знали его. Но это к слову. Если только вы не из тех, кто склонен влюбляться – меня-то к этой категории не отнесешь, – то неизбежно впадете во грех, когда представится такая возможность, и чем чаще, тем лучше. Но Джуди была самым началом моей истории.

Я не был совершенно неопытен по части женщин: были у меня служанки и пара деревенских простушек, но Джуди была светской женщиной, а на таких я не замахивался. Не то, чтобы стеснялся, вовсе нет. Я был достаточно красив и строен, чтобы привлечь любую юбку, но она являлась любовницей моего отца и могла посчитать слишком рискованным строить пашни с его сыном. Но как оказалось, ее не пугал ни сатрап, ни кто-либо еще.

Она жила в нашем доме. Юная королева Виктория только взошла на престол, и люди еще не отвыкли от обычаев, свойственных двору принца-регента и короля Билли¹⁰, не то что в последующие времена, когда любовниц уже стало не принято выставлять не всеобщее обозрение. Поутру я поднялся в комнату мисс Парсонс, чтобы разведать местность, и обнаружил ее еще в кровати, читающую газеты. Мое появление обрадовало Джуди, и мы затеяли

⁸ Речь лорда Бругама, произнесенная в мае 1839 г. «...бичевала Королеву... с беспощадной жестокостью» (Гревилль) и вызвала оживленные дискуссии. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁹ Леди Флора Гастингс, фрейлина герцогини Кентской, была заподозрена в беременности, пока медицинское обследование не опровергло домыслы. Девушка снискала большие симпатии в обществе, зато юная королева, проявившая к ней резкую враждебность, сильно упала в мнении света. (*Комментарии редактора рукописи*).

¹⁰ Георг IV стал королем в 1820 г., но фактически управлял страной с 1811 г., года был назначен принцем-регентом при душевнобольном отце, Георге III; король Билли – Вильгельм IV (1765–1837), король Великобритании и Ганновера с 1830 по 1837 г., дядя будущей королевы Виктории.

разговор. По временам она дарила мне взгляды и улыбки и позволяла касаться своей руки, так что мне стало ясно: остальное – дело времени. Тут появилась служанка, а не то я осуществил бы свое намерение здесь и сейчас.

Как бы то ни было, отец, похоже, собирался допоздна оставаться в клубе, засидевшись за игрой, что с ним частенько случалось, так что я принял ее предложение зайти вечером и составить партию в экарте. Мы оба прекрасно понимали, что играть будем отнюдь не в карты. Стоит ли удивляться, что, придя к ней, я обнаружил Джуди прихорашивающейся, сидя перед зеркалом и в ночной сорочке размерами с мой шейный платок. Подкравшись сзади, я стиснул ладонями ее груди, сдержал поцелуем возглас, готовый сорваться с уст и повалил на кровать. Желание Джуди не уступало моему, и мы сопряглись в не совсем обычном стиле: то один сверху, то кто-то другой. Из того, что осталось в памяти, когда все кончилось, вспоминается вот что: она сидит, отстранившись, нагая и прекрасная, и откидывает назад прядь, упавшую на глаза, а потом смеется, весело, во весь голос. Так смеются над хорошей шуткой. Тогда я был уверен, что она смеялась от радости, и воображал себя героем-любовником, но теперь понимаю, что предметом веселья Джуди был я. Мне ведь было, напомним, всего семнадцать, и, без сомнения, ей смешно было видеть, как самодовольство так и прет из меня.

Потом мы для проформы сыграли в карты, и она выиграла, а потом мне пришлось убираться, потому что отец рано вернулся домой. На следующий день я сделал еще одну попытку, но на этот раз, к моему удивлению, она сбросила мои руки и сказала:

– Нет-нет, мой мальчик. Один разок для развлечения, да, но не более. Я занимаю здесь определенное положение и должна его сохранить.

Она имеет в виду отца и риск, что прислуга все разнюхает, подумал я. Такой оборот огорчил и обозлил меня, но она снова рассмеялась. Не выдержав, я попытался шантажировать ее угрозой рассказать отцу о событиях прошлой ночи, но Джуди только скривила губы.

– Ты не посмеешь, – сказала она. – А если и так, то мне все равно.

– Да неужто? А если он укажет тебе на дверь, потаскуха?

– Ах, мой маленький герой, я ошиблась в вас. На первый взгляд ты показался мне всего лишь еще одним грубым скотом, таким же, как твой отец, но теперь я вижу, что в тебе есть еще и серьезные задатки подлеца. Твой батюшка, если хочешь знать, вдвойне мужчина по сравнению с тобой. И он остается таковым, даже покидая кровать.

– Я достаточно хорош для тебя, дрянь, – отвечаю я.

– На разок, – парировала Джуди, отвесив мне шутовской поклон. – Этого достаточно. А теперь иди, и довольствуйся горничными.

Ослепнув от ярости, я захлопнул за собой дверь и провел следующий час разгуливая по парку и мечтая, как отплачу ей, если представится случай. Спустя некоторое время злость прошла, и я просто задвинул мисс Джуди на задний план в памяти до поры, пока не придет время свести счеты.

Как ни странно, это происшествие сыграло мне на руку. То ли до ушей отца дошел какой-то слухок о случившемся той ночью, то ли он почувал нечто недоброе, не знаю. Но склоняюсь ко второму. Тот еще проныра, папаша обладал звериным чутьем, которое есть и у меня. Так или иначе, его обращение со мной резко изменилось: перестав поминать то и дело о моем исключении, он мрачно молчал. Несколько раз я ловил на себе его странный взгляд, который он пытался скрыть, словно замышлял что-то недоброе.

И вот, спустя четыре дня по моем возвращении домой, отец вдруг заявляет, что поразмыслил над моей идеей вступить в армию и решил купить мне офицерский патент. Мне предстоит направиться в Конную гвардию, чтобы повидать дядю Биндли, брата моей матери, который и устроит все дела. Видя, что папаша хочет как можно скорее услатить меня из дома, я решил ковать железо, пока горячо, имея в виду вопрос содержания. Я запросил пятьсот

фунтов в год, и, к моему изумлению, он согласился без возражений. Я выругал себя за то, что не попросил семьсот пятьдесят, но и пять сотен было вдвое больше первоначального расчета, и этого вполне хватало, так что я был весьма доволен и отправился в Конную гвардию в прекрасном расположении духа.

О продаже офицерских патентов ходит много толков: дескать, богатые и неспособные продвигаются быстрее хороших людей, а бедных и умных, мол, всегда обходят чинами. Судя по своему опыту, могу заявить, что большая часть этих разговоров – чепуха. Даже без продажи чинов богатые будут продвигаться по службе быстрее бедных, а отсутствие способностей характерно, как правило, для тех и других в равной степени. На мою долю выпало послужить за десятерых (хоть и не по своей воле), и могу заявить, что большинство офицеров плохи, и чем выше они забираются по служебной лестнице, тем хуже становятся, я сам тому пример. Принято считать, что причиной наших бед в Крыму¹¹, – когда торговля чинами была в самом разгаре – являлась некомпетентность, но недавняя мясорубка в Южной Африке¹² показала, что дела обстоят ничуть не лучше, а ведь патенты больше не продают.

Ну да ладно, в то время я мечтал не более чем о скромном звании корнета и о поступлении в престижный полк: вот одна из причин, почему я остановил свой выбор на Одиннадцатом драгунском. К тому же он размещался недалеко от столицы. Дяде Биндли я об этом ничего не сказал, напротив, мудро делал вид, что сгораю от желания заработать рыцарские шпоры в боях с маратхами или сикхами. Он хмыкнул и, удостоив меня брошенного мимо носа (весьма длинного и острого) взгляда, высказал мнение, что никогда не предполагал во мне стремления к военным подвигам.

– Как бы то ни было, красивые ноги в панталонах и склонность к причудам – это все, что пользуется спросом сейчас, – заявил он. – Надеюсь, ты умеешь ездить верхом?

– Как кентавр, дядюшка, – ответил я.

– Что ж, это уже лучше. Насколько мне известно, у тебя проблемы с горячительными напитками. Думаю, ты не станешь возражать, что эпизод, когда тебя, едва стоящего на ногах, выволокли из кабака в Рагби, не лучшая рекомендация для офицерского общества?

Я поспешил уверить его, что эти рассказы сильно преувеличены.

– Сомневаюсь, – ответил он. – Вопрос в том, как ты себя ведешь во хмелю: буйно или тихо? Буйного пьяницу терпеть никто не станет, тихого еще туда-сюда. А если у него еще и деньги есть... Похоже, в наши дни в армии наличие денег может извинить любой грех.

Это был его конек да и, осмелюсь сказать, всей моей родни по линии матери: принадлежа к знатному роду, они не имели избытка средств. Впрочем, эти мысли я оставил при себе.

– Так вот, – продолжал он. – Не сомневаюсь, что назначенного содержания вполне достаточно, чтобы позволить тебе покончить с собой за короткий промежуток времени. В этом отношении ты не лучше и не хуже большинства младших офицеров. Впрочем, постойка. Ты выбрал Одиннадцатый драгунский, не так ли?

– Да, дядя, именно.

– И ты твердо решил?

– Ну да, – немного удивленно ответил я.

– В таком случае у тебя есть некоторое отличие от основной массы, – с многозначительной улыбкой произнес дядя. – Тебе приходилось слышать о графе Кардигане?¹³

– Нет, – ответил я, и это показывает, насколько далеки были мои интересы от военных дел.

¹¹ Речь идет о Крымской войне 1853–1856 гг.

¹² Имеется в виду Англо-бурская война 1899–1902 гг.

¹³ Джеймс Бранднелл, седьмой граф Кардиган (1797–1868) – знаменитый английский военачальник, участник Крымской войны.

– Невероятно. Насколько тебе известно, он – командир Одиннадцатого. Кардиган унаследовал свой титул не далее чем год или два назад, когда был с полком в Индии. Любопытнейший экземпляр. Как я понимаю, он не делает секрета из своего намерения превратить Одиннадцатый в лучший кавалерийский полк армии.

– Похоже, это тот самый человек, который мне нужен, – заявил я, сверкая глазами.

– Верно. Ну хорошо, не можем же мы лишать его возможности заполучить такого ретивого субалтерна, не правда ли? Разумеется, дело о приобретении тебе звания должно быть решено без промедления. Я одобряю твой выбор, мальчик мой. Уверен, что служба под началом лорда Кардигана окажется для тебя – о, да, – как полезной, так и увлекательной. Еще мне сдается, что вы с его светлостью будете прекрасно дополнять друг друга.

Я был слишком поглощен старанием угодить этому старому идиоту, чтобы слушать, о чем он говорит, иначе мне наверняка пришла бы в голову мысль: не являются ли радующие его обстоятельства далеко не столь благоприятными для меня? Дядя всегда гордился, что его род знатнее нашего, представителей коего он не без известных оснований считал деревенщинами, и никогда не высказывал особых симпатий лично ко мне. Помочь племяннику получить эполеты было делом иным, тут его обязывало кровное родство, но делал он это без энтузиазма. Но мне все равно приходилось стелиться лисой перед ним, изображая признательность.

Это не прошло даром, так как мундир Одиннадцатого я получил с удивительной быстротой. Я отнес это на счет дяди, не имея понятия, что за последние несколько месяцев из полка шел устойчивый отток офицеров: кого перевели, кого перепродали, кого назначили в другое место, – и все по причине того самого лорда Кардигана, о котором говорил дядя. Будь я постарше и вращаюсь в правильных кругах, то наверняка услышал бы о нем, но те несколько недель, пока я дожидался патента, отец усладил меня в Лестершир, а за время пребывания в столице я был предоставлен сам себе или бывал в гостях у сумевших меня перехватить родственников. Сестры моей матери, хотя и всей душой не любили меня, считали своим долгом приглядеть за несчастным осиротевшим мальчиком. Так они говорили. На самом деле их беспокоило, что, будучи предоставлен сам себе, я мог попасть в плохую компанию. И они были правы.

Как бы то ни было, вскоре мне предстояло многое узнать о лорде Кардигане.

В последние дни перед отправкой, я, хотя и был занят приобретением мундира вкупе с жутким количеством различных мелких принадлежностей, которые офицеру полагалось иметь в те годы – не то, что сейчас, – покупкой пары лошадей и упорядочением вопросов моего содержания, а все же находил время для мыслей о мисс Джуди. Тот случай, как я обнаружил, только разжег мой аппетит к ней. Я пытался удовлетворить его с одной селяночкой в Лестершире и с молоденькой шлюшкой в Ковент-Гардене, но первая воняла, а вторая успела обчистить мои карманы, и ни одна из них не могла послужить достойной заменой. Я хотел Джуди так же сильно, как и злился на нее, но с момента нашей ссоры она избегала меня и при встречах в доме делала вид, что не замечает Гарри Флэшмена.

Наконец это мне надоело, и вечером накануне отъезда я снова пришел в ее комнату, удивившись, что сатрапа нет дома. Она читала и выглядела чертовски обольстительно в своем светло-зеленом пеньюаре. Я был слегка навеселе, и при виде ее белоснежных плеч и алых губ по спине у меня пробежала знакомая волна возбуждения.

– Что вам угодно? – ледяным тоном спросила она. Я ожидал подобного приема и заготовил речь.

– Я пришел извиниться, – ответил я с видом побитой собаки. – Завтра я уезжаю, и прежде чем это случится, мне хотелось бы попросить у вас прощения за сказанные мной слова. Я сожалею, Джуди, искренне сожалею. Я вел себя как хам... как подлец... и ... готов сделать что угодно, чтобы загладить свою вину. Это все.

Она отложила книгу и развернулась на стуле лицом ко мне. Взгляд ее по-прежнему был холоден, и она не проронила ни слова. Я помялся, как застенчивый школяр, – мне хорошо было видно собственное отражение в зеркале, висящем у нее за спиной, позволявшем наблюдать за ходом спектакля, – и снова выразил свое сожаление.

– Ну ладно, – сказала она наконец. – Вы сожалеете. И есть о чем.

Я хранил молчание, отведя глаза в сторону.

– Хорошо, – сказала она после паузы. – Доброй ночи.

– Пожалуйста, Джуди, – отчаянно взмолился я. – Вы так жестоки. Если я вел себя как мужлан...

– Именно так.

– ... Это потому что я был вне себя от боли и ярости, и не понимал, почему... почему вы не позволяете мне... – оставив мысль недосказанной, я принялся разглагольствовать о том, что никогда прежде не встречал такой женщины, и что влюблен в нее, и пришел молить о прощении, поскольку не могу смириться с мыслью о том, что она ненавидит меня, и городил прочую чепуху в том же ключе. Достаточно примитивно, скажете вы? Но я ведь еще только учился. Все же зеркало говорило мне, что все идет хорошо. Закончив, я выпрямился, принял торжественный вид и заявил:

– Вот почему я хотел снова увидеть вас... и сказать вам. И попросить у вас прощения.

Коротко поклонившись, я направился к двери, прикидывая, как я остановлюсь и повернусь к ней, если она сама меня не остановит. Но она приняла все за чистую монету.

– Гарри, – сказала она, едва я коснулся ручки.

Я повернулся. На губах ее играла легкая улыбка, взгляд был печален. Потом она встряхнула головой и улыбнулась по-настоящему.

– Хорошо, Гарри, если тебе нужно мое прощение за случившееся, я даю тебе его. Мы не станем говорить...

– Джуди! – я одним скачком оказался рядом с ней, сияя, как спасенный грешник. – О, Джуди! Спасибо! – И решительным движением протянул ей руку.

Она встала и взяла мою руку, продолжая улыбаться, но в ее глазах не было и намека на прежнее необузданное желание. Джуди выглядела величественной и снисходительной, как строгая тетя, разговаривающая с легкомысленным племянником. Племянником, склонным к инцесту, как ей прекрасно было известно.

– Джуди, – обратился я к ней, не выпуская ее ладонь. – Мы расстаемся друзьями?

– Если хочешь, – сказала она, пытаясь высвободить руку. – До свидания, Гарри, и удачи.

Я шагнул вперед и поцеловал ей руку. Она, казалось, не возражала. Сдуру я решил, что дело в шляпе.

– Джуди! – начал я опять. – Вы прекрасны. Я люблю вас, Джуди. Если бы вы только знали, что вы олицетворяете в себе все, что я ценю в женщинах. О, Джуди, в вас все прекрасно: и зад, и животик, и бюст. Я люблю вас.

И я притянул ее к себе. Она вырвалась и отпрянула от меня.

– Нет! – в голосе ее звенела сталь.

– Какого черта! Почему нет? – вскричал я.

– Убирайся! – заявила она, побледнев и вонзая в меня, острый, как кинжал, взор. – Спокойной ночи!

– К черту спокойную ночь, – ответил я. – Полагал, мы расстаемся друзьями? Что-то это все не очень по-дружески, разве нет?

Джуди не отрывала от меня глаз. Ее грудь, как написали бы авторы дамских романов, «вздымалась», но если бы им довелось увидеть, как она вздымалась в неглиже Джуди, им пришлось бы задуматься, подыскивая новый эпитет, способный описать волнение женщины.

– Я была столь глупа, что на минуту поверила тебе, – говорит она. – Убирайся прочь из моей комнаты тотчас же!

– Всему свое время, – отвечаю я и молниеносным движением обхватываю ее за талию.

Джуди стала отбиваться, но я не сдавался, и мы вместе повалились на кровать. Я ощущал ее близость, и это сводило меня с ума. Перехватив ее кисть, когда Джуди, как дикая тигрица, еще раз попыталась ударить меня, я попытался поцеловать строптивицу, но та изо всех сил укусила меня за губу.

Я закричал и отпрянул, держась за рот, а она, тяжело дыша от ярости, схватила китайскую тарелку и запустила ею в меня. Тарелка пролетела мимо, но в результате я совершенно вышел из себя.

– Ах ты дрянь! – взревел я и со всей силы ударил Джуди по лицу. Она пошатнулась, и я ударил еще раз. Джуди упала, перекатилась через кровать и рухнула на пол с другой ее стороны. Я завертел головой, ища трость или хлыст, поскольку был в бешенстве и готов был разорвать эту фурию на части. Но под рукой ничего не оказалось, и в тот момент, когда я обогнул кровать, в голове у меня мелькнула мысль, что в доме полно слуг и сведение окончательных счетов с мисс Джуди лучше отложить на более удобное время.

Я стоял над ней, метая громы и молнии. Она поднялась, цепляясь за кресло и держась за лицо. Ей изрядно досталось.

– Ты трус, – только и повторяла она. – Ты трус!

– Разве это трусость – преподать урок нахальной шлюхе? – говорю я. – Может, еще добавить?

Она плакала, – без рыданий, только слезы текли по щекам. Она с трудом дошла до стула у зеркала, села и посмотрела на свое отражение. Я продолжал изрыгать проклятия, обзывая ее всеми именами, какие только мог приплести, но Джуди, не обращая на меня внимания, взяла заячью лапку и принялась припудривать страшный кровоподтек на лице. Она не проронила ни слова.

– Ну и ладно, будь ты проклята! – отрезал я и захлопнул за собой дверь комнаты. Меня трясло от ярости и боли в губе, которая сильно кровоточила, напоминая, что Джуди сторицей отплатила мне за удар. Но и ей кое-что перепало в свой черед, если уж на то пошло: не скоро забудет Гарри Флэшмена.

III

Одиннадцатый легкий драгунский к этому времени только-только вернулся из Индии, где нес службу со времен, когда меня еще на свете не было. Это был боевой полк и наверняка являлся, – я говорю это не из чувства полковой гордости, которой я никогда не имел, а только ради констатации факта – самой лучшей конной частью Англии, если не всего мира. И все же офицеры растекались из него, словно вода сквозь пальцы. Причиной был Джеймс Бранднелл, граф Кардиган.

Вы, разумеется, слышаны о нем. Скандалы в полку, атака Легкой бригады, тщеславие, тупость и чудачества этого человека вошли в историю. Как большая часть вошедших в историю фактов, они основываются на истине. Но я знал Кардигана, наверное, как никто другой из офицеров, и считал его веселым, пугающим, мстительным, очаровательным и невероятно опасным человеком. Нет сомнений, что он был дураком от Бога, но не стоит винить его в поражении при Балаклаве – в нем повинны Раглан и Эйри. А еще он был заносчив, как никто другой, и безгранично уверен в своей непогрешимости, даже когда его пустоголовость стала очевидной для всех. Такой у него был пунктик, ключ к его характеру: ни при каких обстоятельствах он не может оказаться неправ.

Говорят, что Кардиган был хотя бы отважен. Ерунда. Он был просто глуп, так глуп, что не способен был бояться. Страх – это эмоция, а все его эмоции умещались между животом и коленями, не достигая рассудка, и ему этого вполне хватало.

При этом всем его ни в коем случае нельзя назвать плохим солдатом. Кое-что из того, что считается недостатком для обычного человека, для военного является достоинством: например, тупость, самоуверенность, узколобость. Все три эти черты пышно расцветали в Кардигане, дополняясь мелочностью и аккуратностью. Он был перфекционистом, и кавалерийский устав заменял ему Библию. Все, что заключалось под обложкой этой книжицы, он исполнял или стремился исполнить с невероятным старанием, и помощи Господь тому, кто осмелится встать у него на пути к этой цели. Из Кардигана вышел бы первоклассный строевой сержант – только человек, способный погрузиться в такие непостижимые глубины глупости, мог повести шесть полков в долину Балаклавы.

То, что я уделил здесь определенное место этому человеку, происходит по причине того, что ему довелось сыграть немалую роль в карьере Гарри Флэшмена, и впредь главной моей целью будет показать, как Флэшмен из книги «Школьные годы Тома Брауна» превратился в прославленного Флэшмена, которому отведены четыре дюйма в справочнике «Кто есть кто?», и с годами становился значительно большей сволочью, чем в начале. Должен сказать, что он стал мне хорошим другом, хотя никогда не понимал меня, что, конечно, неудивительно. Я предпринимал все меры, чтобы этого не случилось.

К моменту встречи с ним в Кентербери я немало времени посвятил размышлениям над тем, как мне вести себя в армии. Укоренившееся во мне стремление к приятным и не всегда безобидным развлечениям, мои современники, – вознося хвалу Господу по воскресеньям и строя козни своим братьям во Христе в остальные дни недели, – благочестиво называли не иначе, как греховным. Но я всегда знал, как вести себя с начальством и сиять в его глазах, – эту мою черту еще Хьюз подметил, черт его побери. Так что и здесь я оказался на высоте, и хоть к тому времени мало знал о Кардигане, сумел сообразить, что внешний лоск он ценит превыше всего, поэтому сразу по прибытии в Кентербери принял соответствующие меры.

В штаб полка я прикатил в открытой коляске, сияя новеньким мундиром. За мной следовали мои лошади и повозка с имуществом. К несчастью, Кардиган не увидел моего въезда, но, по всей видимости, ему все передали, так что когда я предстал перед ним в его канцелярии, он пребывал в прекрасном расположении духа.

– Ну-ну, – произнес он, пожав мне руку. – Вот и мистер Фвэшмен. Рад видеть, сэр. Добро пожаловать в повк. Недурная выправка, а, Джонс? – обратился он к стоящему рядом офицеру. – Истинное удовольствие вицецреть справного офицера. Какой у вас рост, мистер Фвэшмен?

– Шесть футов, сэр, – ответил я, что было достаточно точно.

– Ну-ну. И скосько вы весите, сэр?

Точно я не знал, но высказал предположение, что где-то двенадцать с половиной стонув.

– Тяжеват два вёгкого драгуна, – заявил он, качая головой. – Но это не так страшно. У вас отвичная фигура, мистер Фвэшмен, да и выправка прекрасная. Несите свужбу хорошо, и мы отвично сработаемся. В каких краях вы охотивись?

– В Лестершире, милорд.

– Вучше и быть не может, – воскликнул он. – А, Джонс? Очень хорошо, мистер Фвэшмен, буду рад снова видеть вас. Ну-ну.

Могу сказать, что за всю мою жизнь никто не был так чертовски обходителен со мной, за исключением подхалимов вроде Спидиката, которые не в счет. Лорд произвел на меня прекрасное впечатление, правда, я не догадывался, что видел его в добрый час. В таком настроении Кардиган выглядел и вел себя довольно обворожительно. Выше меня, прямой, как пика, он был очень худым, непропорционально даже своим рукам. Хотя ему едва перевалило за сорок, у него уже появилась большая лысина, зато сохранились густая шевелюра за ушами и роскошные бакенбарды. У него был крючковатый нос, а синие глаза, выпуклые и немигающие, смотрели на окружающий мир с безмятежностью, свойственной знати, гордящейся, что даже самый далекий из их предков, и тот родился аристократом. Это был взгляд, за который любой выскочка готов отдать полжизни, взор избалованного дитя фортуны, беспрекословно уверенного в своей правоте и в том, что этот мир создан исключительно для его удовольствия. Взгляд, который в баранью дугу сворачивает подчиненных и служит поводом для революций. Этот его взгляд я увидел тогда, и он оставался неизменным все время нашего знакомства, даже во время переключки на Кадык-Койских высотах, когда гробовое молчание в ответ на названные имена засвидетельствовало потерю более чем пятисот из его подчиненных¹⁴. «Тут нет моей вины», – заявил Кардиган тогда, и он не просто верил, что это так, а твердо знал.

Не успел закончиться день, как мне пришлось увидеть его в ином расположении духа, но, по счастью, не я стал объектом его гнева, даже скорее наоборот.

Дежурный офицер, молоденький капитан по имени Рейнольдс, с дочерна загорелым из-за службы в Индии лицом, провел меня по лагерю¹⁵. С профессиональной точки зрения он был хорошим солдатом, только слишком флегматичным. Я держался с ним бесцеремонно, даже дерзко, но он никак на это не отреагировал, ограничившись рассказом о том, что есть что, и подыскал мне денщика. Закончился обход в конюшне, где разместили мою кобылу, ее я, кстати, окрестил Джуди, и моего стрового жеребца.

Грумы постарались на славу, наводя лоск на Джуди. В Лондоне нельзя было найти лучшей верховой лошади. Рейнольдс не преминул восхититься ею. И надо было случиться так, что тут появляется наш милорд, да еще злой, как черт. Натянув поводья прямо перед нами,

¹⁴ Речь идет об атаке Легкой бригады Кардигана в битве при Балаклаве.

¹⁵ Капитан Джон Рейнольдс, излюбленная мишень для нападков Кардигана, оказался в центре облетевшего все газеты «Дела черной бутылки» (май 1840 г.). Кардиган арестовал Рейнольдса и требовал подать рапорт об отставке из-за подозрения, что во время приема гостей в офицерской столовой именно Рейнольдс заказал мозельское вино в темной бутылке, похожей на пивную, хотя пиво в офицерской столовой запрещено, а вино, согласно этикету, должно было подаваться в графине. (Комментарии редактора рукописи).

он трясущейся от злости рукой указал на приближающееся ко двору конюшни подразделение во главе с сержантом.

– Капитан Рейновдс! – рявкнул полковник, с алым от ярости лицом. – Это ваше подразделение?

Рейнольдс сказал, что да.

– И вы видите их чепраки? – ревел Кардиган. – Вы видите их, сэр? Какого они цвета, хотели бы я знать? Вы не скажете мне, сэр?

– Белые, милорд.

– Бевые? Да неужто? Вы что, идиот, сэр? Или вы давьтоник? Они не бевые, они жёлтые – от неряшливости, неопрятности и небрежности. Они грязные, скажу я вам!

Рейнольдс молчал, и Кардиган просто взбесился от ярости.

– Без сомнения, это отвично сошло бы двя Индии, где вам, скорее всего, пришлось изучать свои обязанности. Но при мне это не пройдет, вы поняли, сэр?

Взгляд полковника пробежался по конюшне и остановился на Джуди.

– Чья эта вошадь?

Я ответил, и он с торжеством посмотрел на Рейнольдса.

– Видите, сэр! Офицер товько что прибыв в повк, а уже может показать вам и вашим хвавёным парням из Индии, как надо исповнять свой довг. Чепрак у мистера Фвэшмена бевый, сэр, такой, какой ваш довжен быть – мог быть, если бы имеви хотя бы понятие о дисциплине и порядке. Но он у вас не такой, скажу я вам, сэр!

– Чепрак мистера Флэшмена новый, сэр, – заметил Рейнольдс, что было совершенно справедливо. – Наши выцвели от времени.

– Конечно, теперь вы будете искать оправдания! – отрезал Кардиган. – Скажу вам, сэр: есви бы вы знави свое дево, они быви бы вычищены, а если это не помогает – заменены. Но вы, ясное дево, не имеете об этом ни мавейшего понятия. Ну-ну. Двя Индии ваша неряшливость, как я повагаю, быва терпима. Но здесь это не пройдет, имейте в виду! Завтра чепраки довжны быть чистыми, вы свьшави, сэр? Чистыми, иви вы за это ответите, капитан Рейновдс!

С этими словами он ускакал прочь, гордо задрал вверх голову, и до меня донеслось его «Ну-ну», когда он заговорил с кем-то за оградой конюшни.

Я был страшно обрадован тем, что меня отметили, точнее, даже похвалили, и имел глупость поделиться этим с Рейнольдсом. Тот смерил меня взглядом, будто в первый раз увидел, и голосом, звучащим немного гортанно, как у валлийца (это приобретается за годы службы в Индии), сказал:

– Ага, должен заметить, дела у вас идут на лад, мистер Флэшмен. Лорд «Ну-ну» недолго любит нас, индийских офицеров, зато любит плунжеров, а вы, похоже, чистой воды плунжер.

Я спросил, что он имеет в виду под словом «плунжер».

– О, – ответил он, – плунжер, если хотите знать, – это парень, у которого есть богатый выезд, который оставляет свои карточки в лучших домах, которого мамочки стараются подцепить для своих дочек, который в изрядном подпитии разгуливает по парку, и вообще это щеголь до мозга костей. Ну да, иногда ему приходится немного побыть солдатом – когда он не слишком занят своими светскими делами. Всего доброго, мистер Флэшмен.

Конечно, сказал я себе, Рейнольдс завидует, и в глубине души испытал немалое удовлетворение. Впрочем, его оценка была в целом верной: полк действительно делился на «индийских» офицеров (еще не покинувших его после возвращения на родину) и «плунжеров», к которым, разумеется, примкнул и я. Они приняли меня как своего, даже самые знатные, а уж я-то умел располагать к себе людей. В то время я еще не был так боек на язык, как стал после, однако уже вскоре они увидели во мне товарища: умелого в обращении с лошастью,

бутылкой (хотя поначалу я малость осторожничал) и готового на всякие проказы. Для пущего блага я использовал подхалимаж – не в открытую, разумеется, но от того не менее удачно – есть такой способ подхалимажа, который намного превосходит обычное лизоблюдство, и состоит он в искусстве сочетать ложь с правдой и чувствовать, вплоть до дюйма, насколько далеко можно зайти. Кроме прочего, у меня были деньги, и я этого не скрывал.

«Индийские» офицеры переживали тяжелые времена. Кардиган ненавидел их. Главными объектами его ненависти были Рейнольдс и Форрест, которым он постоянно давал понять, что им лучше покинуть полк, уступив место истинным, в понимании полковника, джентльменам. Почему он так напустился на тех, кто служил в Индии, я так толком и не понял. Говорили, это из-за того, что они не принадлежали к высшему обществу или не имели хороших связей, и это трудно отрицать. Кардиган был конченный сноб, но мне сдается, что причины его ненависти к «индийцам» крылись глубже. Что ни говори, они были настоящими солдатами и имели боевой опыт, тогда как Кардигану за двадцать лет службы ни разу не доводилось слышать свист пуль.¹⁶

Как бы то ни было, он делал все, чтобы их жизнь стала невыносимой, и за полгода с моего поступления в полк я был свидетелем нескольких вынужденных уходов в отставку. Даже нам, плунжерам, приходилось нелегко, поскольку он был сущим дьяволом во всем, что касалось дисциплины, а плунжеры далеко не все являлись дельными офицерами. Смекнув, куда дует ветер, я с гораздо большим усердием, чем в Рагби, принялся за учебу: совершенствовался в строевой подготовке (что было не слишком трудно), и назубок выучил правила походной жизни. Мне попался отменный денщик – дубиноголовый детина по имени Бассет. Он знал все, что полагается знать солдату, и ничего более, а кроме того, был настоящим гением по части полировки обуви. Я задал ему хорошую трепку при самом нашем знакомстве, и у него, похоже, с тех пор сложилось обо мне хорошее мнение, так что он смотрел на меня, как пес на хозяина. По счастью, моя внешность идеально подходила для парадов и смотров, а это прежде всего и ценил Кардиган. Думаю, только старший сержант полка и один или два строевых сержанта могли сравниться со мной во владении конем, и его светлость несколько раз отмечал меня за выездку.

– Ну-ну! – говаривал он. – Фвэшмен сидит хорошо, скажу я вам. Быть ему адъютантом.

И я соглашался с ним: Флэшмен сидел очень хорошо.

В офицерском обществе для меня все тоже складывалось достаточно неплохо. Народ там собрался легкомысленный, деньги текли рекой, и даже если оставить игру под крупные ставки, от чего Кардиган призывал нас воздерживаться, азартные игры были в большом ходу. Такая расточительность больно била по «индийцам», что забавляло Кардигана, постоянно поддевавшего их: раз не можете держаться наравне с джентльменами, отправляйтесь-ка по своим фермам и торговым лавкам, «продавать башмаки, горшки и кастрюви», скажет, бывало, тот и от души засмеется, будто веселей этой картины ничего представить нельзя.

Довольно странно, а может, и наоборот, но его предубеждение по отношению к офицерам-индийцам не распространялось на рядовых. Это были сплошь крепкие ребята и отличные солдаты, насколько я мог судить. Кардиган тиранил их, и не проходило недели без трибунала за невыполнение обязанностей, дезертирство или пьянство. Последнее преступление встречалось часто и наказывалось не слишком сурово, зато за первые два полковник карал безжалостно. Порка у коновязи рядом с манежем была частым явлением, и от нас требовали присутствовать при этом. Некоторые из офицеров постарше особенно «индийцы» изрядно роптали и делали вид, что шокированы, но мне думается, ни за что не пропустили бы такое зрелище. Что до меня, то я всегда испытывал удовольствие от хорошей порки, и мы с Брай-

¹⁶ На деле Кардиган служил в Индии, где и принял командование 11-м полком в Канпуре в 1837 г, но он провел там с полком всего несколько недель. (Комментарии редактора рукописи).

антом, моим закадычным приятелем, завели обычай биться об заклад, закричит ли наказуемый до десятого удара или когда он вырубится. На мой взгляд, это самый азартный вид спорта из всех.

Брайант был маленьким дьяволенком, уцепившимся за меня в начале моей карьеры и прососавшимся, как пиявка. Он был конченным подхалимом, не имеющим собственных денег, зато наделенным даром угождать и всегда оказываться под рукой. Парень он был шустрый и старался изображать из себя приличного человека, хоть и без особого успеха, а кроме того, был в курсе всех слухов, знал все обо всех и был остер на язык. Брайант блистал на вечеринках, которые мы устраивали для местного общества из Кентербери, проявляя себя во всей красе. Ему удавалось первому разузнавать все сплетни и преподнести их так, что это забавляло Кардигана, впрочем, последнее было не так уж трудно. Я находил паренька полезным, и потому терпел, отводя при случае роль придворного шута (каковая тоже была ему по нраву). Как говаривал Форрест, пни Брайанта под зад, и он склонится перед тобой еще более раболепно.

У него наличествовал недюжинный талант по части досаждения «индийцам», что также располагало к нему Кардигана, – о, мы с ним такие дела творили, скажу я вам! – за что «индийцы» терпеть его и не могли. Большинство из них ненавидели также и меня, впрочем, как и других плунжеров, но и мы по разным причинам платили им тем же, так что были квиты. Но только к одному офицеру я испытывал острую неприязнь, как оказалось, недаром, – и полагаю, он ненавидел меня в еще большей степени. Его звали Бернье – высокого роста вояка с крупным носом, черными бакенбардами и близко посаженными глазами. Он был лучшим фехтовальщиком и стрелком в полку, а до моего прибытия – и лучшим наездником. Его это, думаю, задело, но наша настоящая вражда началась с того вечера, когда он завел разговор про неродовитые семьи набобов, и, как мне показалось, поглядывал при этом на меня. Я был в изрядном подпитии, иначе не стал бы раскрывать рот, поскольку вид у него был как у людей, которых американцы называют «джетльмены-убийцы». И вправду, он имел сильное сходство с одним американцем, с которым мне пришлось познакомиться позже – прославленным Джеймсом Хикоком¹⁷, тоже отличным стрелком. Но будучи во хмелю, я заявил, что лучше уж быть британским набобом и иметь шанс основать свою династию, чем иностранцем-полукровкой. Брайант заржал, как всегда, над моей шуткой и закричал: «Браво, Флэш! Да здравствует добрая старая Англия!». Все засмеялись, поскольку отчасти справедливо, но по преимуществу обманом, я снискал репутацию адепта Джона Буля. Бернье не совсем разобрал мои слова, поскольку я говорил тихо, и меня слышали только сидевшие рядом, но, видимо, кто-то потом передал ему, так что с тех пор он не разговаривал со мной, и только бросал ледяные взгляды. Тема имени была болезненной для него – и это неудивительно, ведь он был французский еврей, если уж говорить всю правду.

Однако лишь несколько месяцев после этого инцидента произошло наше серьезное столкновение с Бернье и начала создаваться моя репутация – репутация, которая сохранилась за мной и по сей день. Я опушу большую часть событий первого года моей службы – например, ссору Кардигана с «Морнинг Пост»¹⁸, вызвавшую большой шум в полку, да и во всем обществе, но в которой я не принимал участия, – и перейду сразу к знаменитой дуэли Бернье-Флэшмен, молва о которой жива до сих пор. Я вспоминаю о ней с гордостью и удо-

¹⁷ Джеймс Хикок (1837–1876) – больше известен как Дикий Билл Хикок. Одна из легендарных фигур Дикого Запада, прославился как участник многочисленных дуэлей.

¹⁸ Кардиган являлся излюбленной мишенью для газет, особенно для «Морнинг Кроникл» (а не «Морнинг Пост», как пишет Флэшмен). Здесь, видимо, речь идет о скандале, спровоцированном тем, что Кардиган, в ответ на нападки прессы, вызвал издателя на дуэль. О деталях этого и других эпизодов военной карьеры лорда Кардигана см.: Сесил Вудхэм-Смит «Вот почему». (Комментарии редактора рукописи).

вольствием, даже теперь. Всю правду об этом деле знали только два человека, и я – один из них.

Как-то раз, спустя примерно год со дня моего отъезда из Рагби, я отправился прогуляться в Кентербери, в парк, и по пути нанести визит тому или иному мамочкиному дому. Я был при полном параде и чувствовал немалое удовлетворение собой, когда вдруг заметил офицера, прогуливающегося среди деревьев под ручку с дамой. Это был Бернье, и мне стало любопытно, что за телочку он пасет. Та оказалась отнюдь не коровенкой, а очень даже хорошенькой штучкой: этакая жгучая брюнетка со вздернутым носиком и озорной улыбкой. Я смотрел на нее, и в моем мозгу зародилась превосходная идея.

В Кентербери у меня было две-три метрессы, с которыми я встречался время от времени, но ничего особенно важного. У большинства молодых офицеров здесь или в столице были постоянные возлюбленные, но я до такого никогда не опускался. Я пришел к выводу, что это нынешняя подружка Бернье. Надо же, чем больше я смотрел на нее, тем больше она меня интересовала! Девушка производила впечатление пушистой киски, знающей толк в постельных утехах, а факт, что она принадлежит Бернье (воображавшего себя неотразимым в женских глазах) делал приманку еще слаще.

Не теряя времени, я произвел необходимые изыскания, выбирая время, пока Бернье был занят на службе, и нанес леди визит. Она обитала в уютном маленьком гнездышке, обставленном со вкусом, но без роскоши: кошелек Бернье уступал в толщине моему, и это было важное преимущество. Им я и воспользовался. Как оказалось, девица была французской, так что с ней я мог не церемонничать, как с какой-нибудь английской цыпочкой. Я напрямую заявил, что она нравится мне, и предложил сделаться друзьями, очень близкими друзьями. Намекнул, что у меня есть деньги – как ни крути, она была всего лишь шлюхой, несмотря на свой напускной лоск.

Она поначалу принялась ломаться, разглагольствовать, но стоило мне сделать вид, что я ухожу, как пташка запела по-иному. Помимо денег, думаю, я ей понравился: играя веером, она то и дело бросала поверх него взгляд своих больших, с миндалевидным разрезом, глаз в мою сторону, явно кокетничая.

– Значит, у вас сложится плохой мнений о французских девушках? – спросила она.

– Только не у меня, – опять залебезил я. – О вас, у меня, например, самое прекрасное мнение. Как вас зовут?

– Жозетта, – мило прошептала она.

– Отлично, Жозетта, давайте выпьем за наше будущее знакомство. За мой счет, – и я уронил на стол кошелек. Ее глаза расширились: кошелек выглядел весьма внушительно.

Вы сочтете меня грубым. Так и есть. Но я сэкономил время, а возможно, и деньги тоже, – деньги, которые дураки растрачивают на обещания, а не на удовольствия. У нее дома нашлось вино, мы выпили и болтали добрых минут пять, прежде чем я стал пытаться раздеть ее. Она подхватила игру, дуя губки и бросая на меня соблазнительные взгляды, но едва избавившись от одежды, девчонка тут же обратилась в пламень, и, не стерпев, я взял ее прямо не сходя со стула.

Не могу сказать, почему я нашел ее такой желанной: по причине ли ее связи с Бернье или из-за французских штучек, но я стал частенько навещать ее, и хотя побаивался Бернье, но все же утратил бдительность. И вот вечером, с неделю спустя, когда мы были крепко заняты, на лестнице раздались шаги, и дверь распахнулась. За ней стоял он. Несколько секунд Бернье смотрел, как Жозетта с визгом пытается нырнуть под одеяло, а я, путаясь в подоле сорочки, пытаюсь залезть под кровать – вид соперника поверг меня в ужас. Но он ничего не сказал. Дверь хлопнула, я тотчас вылез и стал натягивать бриджи. В эту секунду мне хотелось одного: оказаться как можно дальше отсюда, поэтому я одевался с некоторой поспешностью.

Жозетта принялась хохотать, и я спросил, что ее так чертовски развеселило.

– Это так смешить, – не унималась она. – Ты... ты наполовину торчать из-под кровати, а Шарль с такой гнев смотреть на твой зад. – И она опять залилась смехом.

Я посоветовал ей придержать язык, она перестала смеяться и попыталась затащить меня обратно в постель, говоря, что Бернье наверняка ушел. Она села и принялась трясти передо мной грудями. Я разрывался между страхом и желанием, пока она не заперла дверь, после чего я решил доделать дело, раз уж начал, и снова разделся. Впрочем, должен признать, что испытал не самое сильное удовольствие, несмотря на то, что Жозетта была в ударе (подозреваю, недавняя ситуация возбудила ее).

Меня терзало сомнение, идти ли мне после этого к ужину, поскольку я был уверен, что Бернье вызовет меня. Но к моему удивлению, когда я собрался с духом и вошел в столовую, он не обратил на меня ни малейшего внимания. Я терялся в догадках, но когда ни на следующий день, ни послезавтра ничего не произошло, я воспрял духом, и даже нанес новый визит Жозетте. Он не заглядывал к ней, и я пришел к выводу, что соперник решил ничего не предпринимать. Значит, Бернье в итоге оказался слабаком, думал я, и уступил свою любовницу мне – не из страха передо мной, безусловно, а из нежелания мараться о ту дрянью, которая обманула его. На самом деле правда заключалась в том, что Бернье не мог вызвать меня, не раскрывая повода и выставляя себя в неприглядном свете, поэтому, лучше меня знакомый с порядками в полку, он избегал возбуждать дело чести из-за женщины. Хотя сам едва сдерживался.

Ничего не подозревая, я расслабился и выболтал секрет Брайанту. Подхалим просиял, и вскоре все плунжеры были в курсе. Теперь катастрофа стала только делом времени, и мне стоило бы догадываться об этом.

Это произошло как-то вечером, после обеда. Мы играли в карты, а Бернье и еще несколько офицеров из «индийцев» вели беседу неподалеку. Играли в «двадцать одно», и случилось так, что во время партии я пошутил насчет бубновой дамы, которую почитал своей счастливой картой. Форрест держал банк, и, когда он перебил мои пять карт тузом и бубновой дамой, Брайант, тупоголовый осел, проверещал:

– Вот это да! Он отбил у тебя даму, Флэши! Какое жуткое огорчение, клянусь Богом!

– Что ты имеешь в виду? – удивленно спросил Форрест, сгребая деньги и карты.

– У Флэши, как известно, бывает наоборот, – заявил Брайант. – Обычно это он отбивает чужих дам.

– А-а, – протянул, ухмыляясь, Форрест. – Но ведь бубновая дама – добрая англичанка, не так ли, Флэш? Ты же, как я слышал, предпочитаешь объезжать французских кобылок.

Все разразились смехом, бросая взгляды в сторону Бернье. Мне стоило бы сохранить спокойствие, но я оказался достаточно глуп, чтобы присоединиться.

– Французские кобылки хороши, – говорю я, – когда на них английский наездник. Француз, конечно, тоже неплох, но не выдерживает долгой скачки.

Острота, без сомнения, вышла довольно плоской, даже если учесть, что мы были навеселе, но и этой искры хватило, чтобы поджечь солому. Следующее, что я помню, это как стул ушел из-под меня, я лежу на полу, а надо мной стоит Бернье с перекошенным от ярости лицом и трясущимися губами.

– Какого дьявола, – начал Форрест, когда я начал подниматься на ноги, и другие тоже повскакали с мест.

Я наполовину встал, когда Бернье ударил меня. Я не удержался и упал опять.

– Бога ради, Бернье! – воскликнул Форрест. – Ты с ума сошел?

И они бросились оттаскивать его, иначе, кажется, он просто растерзал бы меня. Видя, что Бернье держат, я с проклятием поднялся и кинулся на него, но Брайант обхватил меня, крича: «Нет, Флэш! Остынь, Флэши!». Все обступили меня.

Сказать по правде, я был чуть живой от страха, поскольку в воздухе запахло убийством. Лучший стрелок полка ударил меня, и к этому был повод, – будучи напуган или нет, я всегда отличался умением быстро и ясно мыслить в моменты кризиса, – понимая, что нет никакой возможности избежать дуэли. Если, конечно, я не хочу снести удар, что будет означать конец моей карьеры как в армии, так и в свете. Но драться с ним было все равно, что шагнуть в могилу.

Это была ужасная дилемма, и в момент, когда нас растащили, я понял: мне нужно время, чтобы подумать, выработать план, найти выход. Я стяхнул держащие меня руки и, не говоря ни слова, вышел из столовой с видом человека, который предпочитает уйти, чтобы не натворить глупостей.

Мне потребовалось пять минут напряженной работы ума, а потом я вернулся в столовую. Мое сердце стучало как молот, и вид у меня был довольно яростный, так что даже если бы я задрожал, они бы приняли это за проявление гнева.

Когда я вошел, разговоры смолкли. Даже сейчас, шестьдесят лет спустя, я чувствую эту тишину и вижу элегантные фигуры в синих мундирах, и блеск серебряных монет на столе, и Бернье, очень бледного, стоящего в одиночестве у камина. Я направился прямо к нему. Речь у меня уже была приготовлена.

– Капитан Бернье, – начал я, – вы нанесли мне удар рукой. Это было неосторожно, поскольку я, если захочу, могу попросту разорвать вас на куски своими руками. – Конечно, это был полный блеф, как же еще мог говорить настоящий англичанин Флэшмен. – Но я предпочитаю драться как джентльмен, даже если вам это не свойственно. – Я повернулся на каблуках. – Лейтенант Форрест? Можете вы быть моим секундантом?

Форрест выпалил свое «да», а Брайант выглядел удивленным. Он ждал, что я назову его имя, но для него в этой пьесе была припасена другая роль.

– Кто будет вашим секундантом? – хладнокровно спросил я у Бернье.

Он назвал Трейси, одного из «индийцев», и я, отвесив Трейси поклон, подошел к карточному столу, будто ничего не случилось.

– Мистер Форрест уладит детали, – обратился я к остальным. – А нам не раскинуть ли пока партеечку?

Они изумленно уставились на меня.

– Черт возьми, Флэш, ну ты силен! – вскричал Брайант.

Я пожал плечами, и мы вернулись к игре. Все были сильно возбуждены – слишком сильно, чтобы заметить, что мои мысли витают далеко от карточного стола. К счастью, игра в «двадцать одно» не требует большой концентрации.

Через минуту Форрест, обсудивший все с Трейси, подошел ко мне и сказал, что с разрешения лорда Кардигана, в получении которого он не сомневался, мы встретимся в шесть утра за манежем. Подразумевалось, что я выберу пистолеты: как у оскорбленной стороны, выбор оружия был за мной.¹⁹ Я рассеянно кивнул и попросил Брайанта поторопиться с раздачей. Сыграв еще несколько конов, я заявил, что иду спать, прикурил чируту и вышел, пожелав остающимся спокойной ночи с таким видом, будто мысль о ждущих меня на заре пистолетах заботила меня не больше, чем завтрак. При любом раскладе в тот вечер я существенно вырос в их глазах.

Я остановился под деревьями на пути домой и спустя минуту, как и ожидал, увидел бросившегося вдогонку за мной Брайанта, буквально сгорающего от возбуждения и любопытства. Он принялся бубнить о том, какой я чертовски лихой парень и что за вояка Бернье – настоящий янычар, но я его оборвал.

¹⁹ Выбор оружия. На деле это не обязательно являлось прерогативой оскорбленной стороны, и урегулировалось, как правило, по взаимному соглашению. (Комментарии редактора рукописи).

– Томми, – говорю, – ты ведь не богатый человек.

– А? – растерялся он. – Что...

– Томми, – продолжаю я. – Ты хочешь получить десять тысяч фунтов?

– Бог ты мой, – восклицает Брайант. – За что?

– За то, чтобы Бернье вышел завтра на дуэль с незаряженным пистолетом, – без обиняков заявляю я. О, да! Я хорошо знал малыша Томми.

Он вытаращился на меня и снова принялся бубнить:

– Господи, Флэш, ты с ума сошел? Незаряженным... Как...

– Да или нет, – не отступаю я. – Десять тысяч фунтов.

– Но это же убийство! – взвизгнул он. – Нас повесят за это!

Как видите, ни намека на честь или прочую чепуху в этом роде.

– Никого не повесят, – заявляю я. – И тише ты, понял? Теперь подумай, Томми: ты сообразительный человек и мастак по части шулерских трюков – я наблюдал за тобой. Да тебе это раз плюнуть. За десять-то тысяч, ну?

– Бог мой, Флэш, – пищит он. – Я боюсь.

И опять начинает бубнить, только теперь уже шепотом.

Я не стал его прерывать, понимая, что он никуда не денется. Брайант был маленький жадный ублюдок, и мысль о десяти тысячах была для него как пещера Аладдина. Я объяснил, как легко и безопасно все будет сделано – план у меня уже был готов с того момента, когда я первый раз выходил из столовой.

– Во-первых, ступай и попроси у Рейнольдса дуэльные пистолеты. Отнеси их к Форресту и Трейси и предложи свои услуги в качестве заряжающего – ты всюду лезешь, так что они с удовольствием примут твои услуги, и у них не зародится никакого сомнения.

– Неужели? – воскликнул он. – Они же знают, что я твой закадычный друг, Флэши.

– Ты же офицер и джентльмен, – напомнил я ему. – Могут ли они хоть на минуту представить, что ты затеваешь такую подлую штуку, а? Нет-нет, Томми, не бери в голову. А поутру, в присутствии хирурга и секундантов ты зарядишь их. Очень аккуратно. Только не говори мне, что ты не сумеешь спрятать в ладони пистолетную пулю.

– О, да, – кивает он. – С легкостью. Но...

– Десять тысяч фунтов, – говорю я.

Он облизнул губы.

– Боже правый, – говорит он наконец. – Десять тысяч. Уф! Честное слово, Флэш?

– Честное слово, – отвечаю я, закуривая новую чируту.

– Я сделаю это. Господи! Флэш, да ты сам дьявол! Но ты же не станешь убивать его?

Я не хочу принимать участия в убийстве.

– С моей стороны капитану Бернье грозит не большая опасность, чем мне с его, – уверил я Тома. – А теперь, ноги в руки, и к Рейнольдсу.

Повторять не потребовалось. Это был деятельный сукин сын, скажу я вам. Встряв во что-то, он делал это с душой.

Я вернулся к себе, избавился от поджидавшего меня Бассета и плюхнулся на койку. При мысли о том, что я натворил, у меня пересохло в горле, а руки покрылись потом. Вопреки бравате, разыгранной перед Брайантом, я крепко влип. А если что-то пойдет не так, и Брайант не справится? Во время таких приступов паники я с легкостью рисовал себе то, что произойдет – страх, должно быть, стимулирует воображение, но это были не четкие видения, поскольку в такие моменты человек видит то что, крутится у него в голове, и заикливается на этом. Я представлял, как Брайанта раскрывают, или начинают подозревать, и как Бернье стоит передо мной, незыблемый, как скала, с заряженным пистолетом в руке, и как дуло направляется прямо мне в грудь, как пуля попадает в меня, и я с криком валюсь мертвым на землю.

При мысли об этом я едва не кричал от ужаса и лежал, рыдая, в темной комнате. Мне хотелось встать и бежать, но ноги отказывались служить. Тогда я стал молиться, чего не делал, должен сознаться, с тех пор, когда мне было лет восемь от роду. Но в мыслях у меня постоянно крутились Арнольд и ад, – и это, без сомнения, говорит о многом, – в конце концов я не нашел ничего лучше, чем бренди, но и оно для меня было как вода.

В ту ночь я не сомкнул глаз, только лежал и слушал, как часы отбивают четверти, пока не наступил рассвет и не пришел Бассет. У меня сохранилось достаточно здравого смысла, чтобы не предстать перед ним трясущимся и с воспаленными глазами, так что я притворился спящим, храпя, как орган, и услышал, как он сказал:

– Невероятно! Послушай-ка, сопит, как младенец. Ну чем не бойцовский петух?

Другой голос, видимо, еще чьего-то денщика, произнес:

– Толку-то, дурачина. Вот посмотрим, как он будет сопеть завтра утром, после того, что Бернье с ним сделает. Небось сон его станет покрепче этого.

Ну хорошо, дружок, подумал я. Кто бы ты там ни был, если только выберусь из этой заварухи, я буду не я, коль не взгляну, какого цвета твои кости, когда кузнец-сержант привяжет тебя к коновязи и начнет спускать шкуру плетью. Посмотрим, как ты сам засопишь после этого. Тут я почувствовал, что этот приступ ярости почти совсем вытеснил страх, – Брайант заметит это, слава Богу, – и когда они вошли, я вполне взял себя в руки, разве что не смеялся.

Когда мне страшно, я в отличие от большинства людей не бледнею, а краснею, и это не раз и не два выручало меня, так как мой страх принимали за ярость. Брайант рассказывал потом, что я появился у манежа красный, как индюк; по его словам, все пребывали в уверенности, что это от моего гнева на Бернье. И все-таки они не считали, что у меня есть хотя бы шанс, и притихли, едва мы прошли плац и горнист протрубил зорю.

Кардигану, конечно, рассказали о ссоре, и кое-кто полагал, что он может вмешаться и запретить дуэль. Но, услышав об оплеухе, он только спросил:

– И когда же они стреляются?

И снова отправился спать, приказав разбудить его в пять. Не то что бы он одобрял дуэли, – хотя сам принимал участие в нескольких знаменитых поединках, – но понимал, что при таких обстоятельствах дело, спущенное на тормозах, губительно отразится на репутации полка.

Бернье и Трейси были уже там, как и хирург. Легкий туман висел под деревьями. Когда мы подходили к ним, под ногами чавкала трава, еще влажная от ночной росы. Форрест шел рядом со мной, а Брайант с пистолетным ящиком под мышкой топал вместе с остальными. Ярдах в пятидесяти, у деревьев, растущих рядом с оградой, стояла небольшая группа офицеров, и я заметил плешь Кардигана, выступающую над его накидкой с капюшоном. Полковник курил сигару.

Брайант и доктор подозвали меня и Бернье и спросили, не желаем ли мы уладить ссору. Никто из нас не сказал ни слова. Бернье был бледен и сосредоточенно глядел в какую-то точку за моим плечом. В этот миг я был так близок к тому, чтобы повернуться и бежать без оглядки, как никогда в своей жизни. Я чувствовал, что мои колени вот-вот подогнутся, а руки под плащом ходили ходуном.

– Ну, хорошо, – сказал Брайант и пошел вместе с хирургом к маленькому столику, который они установили неподалеку. Том вынул пистолеты, и краем глаза я наблюдал, как он проверяет кремни, засыпает в ствол порох и забивает шомполом пули. Подойти ближе я не отважился, к тому же подошел Форрест и отвел меня на мою позицию. Когда я обернулся, хирург наклонился за упавшей пороховой фляжкой, а Брайант загонял в один из пистолетов пыж.

Они с минуту посоветовались, потом Брайант подошел к Бернье и протянул ему пистолет, затем принес мне другой. Позади никто не стоял, и когда моя рука коснулась рукояти, Брайан едва заметно мне подмигнул. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я не берусь описать, какое облегчение разлилось по моему телу, отдаваясь в каждом члене. Я возвращался к жизни.

– Джентльмены, вы твердо убеждены продолжать дуэль? – Брайант по очереди посмотрел на каждого из нас.

– Да, – ясно и четко сказал Бернье. Я кивнул.

Брайант отступил назад, чтобы уйти с линии огня, секунданты и доктор заняли места рядом с ним, оставив меня и Бернье, стоящих друг напротив друга на расстоянии примерно двадцати ярдов. Он стоял вполборота ко мне, опустив пистолет и смотрел прямо мне в лицо, будто выбирая точку прицеливания – с такого расстояния он легко попадал в туза.

– Пистолеты стреляют с первого нажатия, – объявил Брайант. – Когда я брошу платок, можете поднимать оружие и стрелять. Я отпущу его через несколько секунд.

И поднял руку с платком.

Я услышал щелчок – это Бернье взвел курок. Он смотрел мне прямо в глаза. Расслабься, Бернье, подумал я, твои старания бессмысленны.

Платок упал.

Правая рука Бернье поднялась, словно лапа железнодорожного семафора, и не успел я взвести курок, как уже глядел в дуло его пистолета. Краткий миг, и меня окутало облако дыма, а следом за выстрелом что-то чиркнуло меня по щеке, оставив грязный след. Пыж. Я отступил на шаг. Бернье изумленно глядел на меня, видимо, удивляясь, что я еще стою. Кто-то закричал: «Господи, промахнулся!». Другой голос строго призвал к тишине.

Пришла моя очередь, и на мгновение меня обуял соблазн подстрелить эту свинью здесь и сейчас. Но Брайан мог потерять голову, а это не входило в мои планы. Зато я знал, как заслужить славу, способную за неделю обежать всю армию: старина Флэши, который увел у другого девчонку и получил от него удар, оказался столь благороден, что пощадил противника на дуэли.

Все застыли как статуи, не сводя глаз с Бернье, в ожидании момента, когда я сразу его выстрелом. Я взвел пистолет, пристально глядя на противника.

– Ну давай же, черт тебя побери! – не выдержал он. На лице его читались страх и ярость.

Я выждал еще секунду, потом вскинул пистолет до уровня бедра, направив ствол заметно в сторону от цели. Все это я проделал почти небрежно, буквально за секунду, давая каждому понять, что стреляю без прицела. И спустил курок.

Этот выстрел вошел в историю полка. Я предполагал, что пуля ударит в землю, но оказалось, что именно в этом месте, ярдах в тридцати, хирург оставил свою сумку и бутылку со спиртом. По чистой случайности пуля аккуратно срезала горлышко от бутылки.

– Бог мой, он потратил выстрел! – взревел Форрест. – Потратил!

Крича, они побежали вперед. Доктор чертыхался, глядя на разбитую бутылку. Брайант хлопал меня по спине, Форрест жал руку, Трейси застыл в изумлении: им показалось, как, впрочем, и остальным, что я пощадил Бернье и одновременно дал доказательство своей поразительной меткости. Что до Бернье, то он был едва жив, как чувствовал бы себя любой на его месте. Я подошел к нему, протянув руку, и он вынужден был принять ее. Его обуревало желание запустить мне в лицо пистолет, и когда я сказал: «Больше никаких обид, приятель?» – он буркнул что-то, повернулся на каблуках и зашагал прочь.

Это не осталось незамеченным со стороны Кардигана, и в разгар шумного завтрака – плунжеры праздновали событие в привычном стиле, то и дело вспоминая, как я стоял против

него, а потом потратил выстрел, – меня вызвали в штаб. Кроме Кардигана там присутствовали адъютант, Джонс и Бернье, черный, как туча.

– Говорю вам, я этого не допущу! – говорил Кардиган. – А, вот и Флэшмен! Ну-ну. А теперь пожмите друг другу руки, вам говорю, капитан Бернье! Я хочу слышать, что дево уважено и честь удовлетворена.

– Что до меня, – заявил я, – то я воистину сожалею о случившемся. Но удар был за капитаном Бернье, не за мной. Однако вот еще раз моя рука.

– Почему вы потратили выстрел? – резко спросил Бернье. – Хотели сделать из меня посмешище? Почему не выстрели, как должно поступать мужчине?

– Дорогой сэр, – ответил я. – Я не указывал вам, куда направить ваш выстрел; так не указывайте мне, куда направлять мой.

Эта реплика, должен вам заявить, попала во все словари крылатых выражений. Не прошло и недели, как она прозвучала в «Таймс», и мне рассказывали, что, услышав ее, герцог Веллингтон заметил:

– Чертовски хорошо сказано. И чертовски верно.

Вот так этим утром родилось имя Гарри Флэшмена – имя, немедленно доставившее мне такую известность, которой я не добился бы, даже в одиночку атаковав батарею. Такова слава, особенно в мирное время. История стремительно распространялась, и однажды я обнаружил, что на меня показывают пальцем на улицах; один священник из Бирмингема написал мне, что, проявив милосердие, я сам заслужил его, а Паркин, оружейник с Оксфорд-стрит, прислал пару пистолетов с серебряными ложами и моими инициалами на них. Недурной ход для торговли, надо полагать. А еще в парламенте как-то подняли вопрос о порочной практике дуэлей, и Маколей²⁰ заявил в ответ, что с тех пор, как один из дуэлянтов выказал в недавнем деле недюжинное благородство и человечность, правительство, хоть и продолжая осуждать поединки, надеется, что это послужит добрым примером. («Правильно! Правильно!» и аплодисменты.) Как передавали, дядя Биндли обронил, что не ожидал такого от своего племянника, и даже Бассет выпячивал грудь колесом, гордясь, что служит у такого лихого рубаки.

Единственным человеком, критически настроенным ко мне, оказался отец. В одном из немногих своих писем он советовал мне: «В другой раз не будь таким безмозглым идиотом. На дуэли дерутся не ради того, чтобы палить в молоко, а чтобы убивать своих противников».

Итак, получив Жозетту по праву завоевания, – могу сказать, она испытывала нечто вроде благоговения по отношению ко мне, – и, составив себе репутацию храбреца, меткого стрелка и обладателя прекрасных манер, я чувствовал себя просто великолепно. Единственной занозой был Брайант, но я легко уладил этот вопрос.

Устав восхвалять меня в день дуэли, он пришел спросить насчет своих десяти тысяч. Ему было известно, что у меня, или, правильнее сказать, у моего отца – есть значительное состояние, но я прекрасно понимал, что никогда не сумею выпросить десять тысяч у сатрапа. Так я и заявил Брайанту, и вид у него стал такой, будто я со всех сил пнул его ногой в живот.

– Но ты же обещал мне десять тысяч, – принялся клянчить он.

– Это было нелепое обещание, ты сам поймешь, если хорошенько поразмыслишь, – ответил я. – Десять тысяч золотых! Я хочу сказать: кто заплатит такую уйму денег?

– Лживая свинья! – взревел он, чуть не плача от ярости. – Ты же поклялся заплатить!

– Еще одна глупость, в которую ты поверил, – отмахнулся я.

– О да, клянусь Богом! – буркнул Том. – Стоило догадаться об этом! Ты не обманешь меня, Флэшмен, иначе я...

²⁰ Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – знаменитый английский поэт, историк и государственный деятель.

– Иначе ты что? Расскажешь об этом всем? Признаешься, что отправил человека к барьеру с незаряженным пистолетом? Интереснейшая получится история. Тебе придется признаться в тяжком проступке – это ты понимаешь? Не знаю, поверят ли тебе, но то, что выкинут со службы за недостойное поведение – это уж наверняка. Не так ли?

Теперь он видел, как обстоят дела, и ничего не мог с этим поделать. Брайант принялся топтать ногами и рвать на себе волосы, потом стал упрашивать меня, но я только посмеялся над ним. Под конец стал угрожать.

– Ты пожалеешь об этом! – кричал он. – Богом клянусь, я еще доберусь до тебя!

– На это у тебя не больше шансов, чем заполнить десять тысяч, – заявил я, и ему ничего не оставалось, как уйти.

Брайант не страшил меня, в том, что я ему сказал, не было ни капли лжи. Он не посмеет и слова проронить в интересах своей же собственной безопасности. Бесспорно, будь у него хоть чуть-чуть мозгов, он бы сразу учуял тухлый запах от байки про десять тысяч. Но жадность сгубила его, а я достаточно долго прожил на свете, чтобы усвоить истину: нет такой глупости, какой не смог бы совершить мужчина, когда на кону большие деньги или женщина.

В любом случае, я мог поздравить себя с тем, какой оборот приняла эта история. Оглядываясь назад, должен сказать, что это было одно из самых важных и полезных событий в моей жизни. Однако впереди меня поджидали проблемы, вызвавшие весьма неприятные последствия. Случилось это спустя несколько недель и закончилось тем, что мне на время пришлось оставить полк.

Описанные выше события произошли незадолго до того, как нешему полку «выпала честь» (как это называли) служить почетным эскортом на пути в Лондон прибывшему в страну будущему супругу королевы, принцу Альберту. Его сделали шефом полка, и среди прочего нам пожаловали мундир нового образца, а Одиннадцатый легкий драгунский сменил название на Одиннадцатый гусарский. Ну это так, к слову. Что важно: принц почувствовал к нам живейший интерес, а сплетни про дуэль наделали столько шума, что он не мог оставить их без внимания и, будучи лицемерным немецким педантом, нашел повод сунуть свой нос в это дело.

Тут-то я и влип. Как это так?! – в его дорогом новом полку есть, оказывается, офицеры, путающиеся с французскими шлюхами, и даже дерущиеся из-за них на дуэли! Принц пришел в неистовство, и в результате Кардиган вызвал меня и посоветовал исчезнуть на время, ради моего же блага.

– От меня потребовави, – сказал он, – чтобы вы оставиви повк. Мне дано официавьное распоряжение, которое надо понимать как постоянное, но я намерен трактовать его как временное. У меня нет жевания вишаться усвуг такого многообещающего офицера, это также и в интересах Его Коровевского Вевичества, смею вас уверить. Вы, конечно, можете подать в отставку, но я думаю, двя вас будет вучше, есви вас куда-нибудь откомандируют. Я отправвю вас, Фвэшмен, в другую часть, пока вся эта кутерьма не увяжется.

Мне эта идея не слишком импонировала, а когда выяснилось, что для меня избрали полк, расквартированный в Шотландии, я почти взбунтовался. Но вскоре понял, что это только на несколько месяцев, а кроме того, важно было сохранить на своей стороне Кардигана: случись, например, что на моем месте оказался бы Рейнольдс, дело приняло бы совсем другой оборот, а вот я числился у Кардигана среди любимчиков. А любой подтвердит, что если вы числитесь в любимчиках у лорда Ну-Ну, то он будет горой стоять за вас, все равно, виноваты вы или нет. Старый дурак.

IV

Мне пришлось служить во стольких странах и иметь дело со столькими людьми, что грехом для меня было бы пытаться развесить на них ярлыки. Я рассказываю вам, что видел, а уж строить умозаключения – это ваше дело. Шотландия и шотландцы мне не понравились: местность я нашел сырой, а людей – грубыми. Они наделены превосходными качествами, жутко утомляющими меня: бережливостью, прилежанием и постнолицым благочестием, а девушки их по большей части милые, но могучие создания, весьма, без сомнения, привлекательные в постели для тех, кто является любителем такого сорта женщин. Один мой знакомый, спознавшийся с дочерью шотландского священника, описывал, что их любовные утехы скорее напоминали борцовский спарринг с драгунским сержантом. Жителей Шотландии я нашел чванными, враждебными и жадными, они же нашли меня наглым, самоуверенным и хитрым. Но это по преимуществу; были и исключения, как вам предстоит убедиться. Лучшее, что я обнаружил здесь, были портвейн и кларет, в которых шотландцы знают толк, а вот их пристрастия к виски я никогда не разделял.

Местечко, куда меня направили, называлось Пэйсли – это недалеко от Глазго, и когда я услышал об этом, едва не тронулся умом. Но сказал себе, что через несколько месяцев снова вернусь в Одиннадцатый, и это средство необходимое, хотя и сулит разлуку со всем тем, что я называю настоящей жизнью. Опасения мои подтвердились, и даже более чем, ну а насчет того, чего особенно опасался – что там, дескать, умереть можно со скуки, – я просчитался. И еще как.

В ту пору во всех промышленных районах Британии наблюдались большие волнения. Это мало что значило для меня: мне всегда было недосуг интересоваться такими вопросами. Рабочий люд лихорадило, ходили слухи о бунтах в фабричных городах, о ткачах, разбивающих станки, об арестах чартистов²¹, но нам, молодежи, было на это наплевать.²² Если вы выросли в своем поместье или в Лондоне, для вас такие вещи ничего не значат. Я понял лишь, что работяги учиняют мятежи, желая меньше работать и больше получать, а владельцы предприятий готовы хоть лопнуть, но не пойти им навстречу. Может, там крылось и еще нечто, но я сомневаюсь, и никто меня не убедит, что там было что-то глубже, чем борьба между этими двумя силами. Так было всегда, и так всегда будет, пока один человек заставляет другого делать то, чего тот не хочет, и пусть дьявол утащит в ад неудачника.

Добычей дьявола, судя по всему, должны были стать рабочие, и в этом ему помогало правительство, а солдаты служили орудием правительства. Войска были направлены на поимку агитаторов, зачтен Акт о бунтах, и то тут, то там происходили стычки; несколько человек погибло. Сейчас, положив свои денежки в банк, я совершенно нейтрален, но тогда, слыша, как все кругом проклинали рабочих, кричат, что их надо вешать, пороть и отправлять на каторгу, я был всей душой за это, как сказал бы герцог Веллингтон. Теперь, в наши дни, вы даже представить себе не можете, как далеко все зашло: рабочий люд воспринимался как враг, словно какие-нибудь французы или афганцы. Врага необходимо было уничтожить, и призваны это сделать мы, солдаты.

Как видите, у меня были весьма туманные представления о происходящем, но в некотором отношении я видел дальше, чем другие, и вот что меня беспокоило: одно дело вести

²¹ Чартисты – участники движения в поддержку Хартии (*англ.* Charter), документа, провозглашавшего требование политических прав и свободы для трудящихся.

²² Мистер Эттвуд представил в палату общин первое прошение чартистов о политических реформах в июле 1839 г. В этом году наблюдались чартистские беспорядки: в ноябре в Ньюпорте погибло 24 человека. (*Комментарии редактора рукописи*).

английских солдат против иностранцев, но станут ли они воевать против собственного народа? Большинство рядовых Одиннадцатого, например, вышло из рабочих или мастеровых, и мне сложно было представить, как они смогут поднять оружие на своих собратьев. Я так и сказал, но в ответ услышал только, что дисциплина сделает свое дело. Ладно, говорил я себе, случится это или нет, но оказаться зажатым с одной стороны толпой, а с другой стороны шеренгой «красных курток» – не слишком устраивает старину Флэши.

Когда я прибыл в Пэйсли, там было спокойно, хотя власти с подозрением относились к этому району, считая его рассадником заразы. Тут как раз начались сборы горожан-ополченцев, и меня привлекли к этому делу. Можете представить себе эту картину: офицер элитного кавалерийского полка служит инструктором для иррегулярной пехоты! К счастью, они оказались весьма недурным материалом: многие из старших по возрасту прошли войну на Полуострове²³, а сержант сражался в составе Сорок второго полка при Ватерлоо. Так что поначалу хлопот у меня было немного.

Меня разместили у одного из крупнейших заводчиков округа, типичного денежного мешка старой закалки, с длинным носом и колочим взглядом, обитавшего в довольно приличном доме в Ренфрю. Он приветствовал меня на свой манер.

– Мы вообще-то не очень высокого мнения о военных, сэр, – заявил он, – и могли вполне без них обойтись. Но с тех пор, как благодаря мягкотелости правительства и этой чертовой Реформе мы оказались в такой жуткой переделке, нам приходится терпеть среди нас солдат. Кошмар! Вы видели погром, который они учинили на моей фабрике, сэр? Моя воля, половину из них тотчас отправили бы в Австралию! А другую половину – под замок, пусть посидят на хлебе и воде недельку-другую – небось отучатся завывать.

– Вам нечего бояться, сэр, – заверил я его. – Мы защитим вас.

– Бояться? – вскинулся он. – Я не боюсь, сэр. Никогда Джон Моррисон не будет трепетать перед своими рабочими, позвольте вам заявить. А что до защиты – посмотрим.

Он поглядел на меня и презрительно хмыкнул.

Мне предстояло жить с его семьей, да и как могло быть иначе, учитывая обстоятельства, которые меня сюда привели. Мы вышли из кабинета и, пройдя через мрачный холл, вошли в гостиную. Весь дом был темным и холодным, в нем так и пахло правильностью и долгом, но, едва перешагнув порог гостиной, я позабыл обо всем, что меня окружало.

– Мистер Флэшмен, – произнес хозяин. – Это миссис Моррисон и четыре мои дочери. – И он представил их, произнося имена словно скороговорку, – Агнес, Мэри, Элспет и Гризель.

Я щелкнул каблуками и отвесил элегантный поклон. На мне был мундир. А расшитый золотом синий доломан и вишневые панталоны Одиннадцатого гусарского были уже знамениты и прекрасно смотрелись на мне. В ответ кивнули четыре головы и один подбородок – это миссис Моррисон, высокая тетка с клювовидным носом, делавшим ее похожей на уже начавшую терять перья хищную птицу. Я бегло исследовал дочек: Агнес, пышная и довольно симпатичная, – подойдет. Мэри, пышная и без фигуры – отпадает. Гризель, тощая, робкая и еще почти ребенок – нет. А вот Элспет оказалась совсем не похожа на других. Красивая, светловолосая, с голубыми глазами и розовыми щечками, она одна из всех одарила меня открытой улыбкой, улыбкой, которой наделены только истинные тупицы. Я тут же сделал в уме зарубку и переключил все внимание на миссис Моррисон.

Это была нелегкая работа, должен вам признаться, поскольку у нее были замашки тирана, и она смотрела на меня как на любого, кто имел несчастье быть солдатом, англичанином, да еще и человеком моложе пятидесяти лет – то есть как на легкомысленное, безбожное, бесполезное существо. Ее муж, похоже, разделял эти ее убеждения, а дочери не проронили ни слова за целый вечер. Я бы с удовольствием послал всех их к черту (за исключением

²³ Речь идет о боевых действиях английской армии в Португалии и Испании в период Наполеоновских войн.

Элспет), но взамен того вынужден был выказывать обходительность, скромность, даже кротость – в отношении пожилой леди, – и когда мы отправились к ужину – великолепно сервированному – та даже расщедрилась на пару кислых улыбок.

Что ж, подумал я, это уже кое-что, и поднялся еще выше в ее глазах, громко сказав «аминь» после того, как Моррисон закончил читать молитву перед вкушением пищи. Решив ковать железо, пока горячо, я тут же поинтересовался (а дело было в субботу), во сколько часов состоится воскресное богослужение. После этого Моррисон зашел так далеко, что даже сказал мне пару любезных слов, но все равно я почувствовал облегчение, удалившись в свою комнату, хоть ту можно было сравнить скорее со склепом, чем с жилым помещением.

Вас, возможно, удивляет, почему я терпел такие мучения, стараясь угодить этим пуританским остолопам? Ответ кроется в том, что я всегда стараюсь создать о себе наилучшее впечатление у людей, которые могут быть мне полезны. А поскольку я положил глаз на мисс Элспет, без благорасположения ее матери у меня не было никаких шансов.

Так что я возносил вместе с семьей молитвы, сопровождал их в церковь, слушал пение мисс Агнес по вечерам, помогал мисс Гризель с уроками, старался поддерживать беседу с миссис Моррисон – она сводилась к сплетням и злопыхательству по отношению к ее знакомым из Пэйсли, – был посвящен мисс Мэри в тайнства разведения садовых цветов и терпел брюзжание старого мистера Моррисона по поводу состояния дел в торговле и некомпетентности правительства. Среди этих «бурных» радостей солдатской жизни мне иногда удавалось перекинуться словечком с мисс Элспет, и я обнаружил, что ее умственные способности не поддаются никакому описанию. Но она была так желанна, и при всей набожности и страхе перед адским пламенем, с детства вколачиваемых в нее, в улыбке и очертаниях нижней губы мисс Элспет мне почудились какие-то проблески игривости, и уже через неделю я был уверен, что она влюблена в меня по уши. И неудивительно: такие головокружительные и статные молодые офицеры – большая редкость в Пэйсли, а кроме того, я был само очарование.

Как бы то ни было, «присесть – не значит прыгнуть», как говорят в кавалерии, а моя проблема заключалась в том, чтобы встретиться с мисс Элспет в подходящее время в подходящем месте. Весь день я проводил в напряженных занятиях с ополченцами, а вечером родители сидели над ней, как приклеенные. Хуже всего, думал я, что они, похоже, уже достаточно доверяли мне к тому времени, и от этого мое нетерпение только усиливалось, а желание становилось почти неудержимым. Случай распорядился так, что ее отец самолично помог привести дело к благополучному разрешению, – и изменил тем самым всю мою жизнь, да и ее тоже. И все это потому, что Джон Моррисон, похвалявшийся своим бесстрашием, сделался вдруг кротким, как ягненок.

Это произошло в понедельник, девять дней спустя после моего прибытия. На одной из фабрик началась свара: молодому рабочему оторвало станком руку, его товарищи подняли большой шум, митингующие выплеснулись через фабричные ворота на улицы города. Этим бы все и закончилось, если бы какой-то придурок из муниципалитета не потерял голову и не затребовал вызвать войска «для подавления очага бунта». Я отправил присланного им гонца восвояси: во-первых, потому что не видел опасности от митингующих – хоть там было в избытке потрясаний кулаком и обещаний оторвать головы; во-вторых, потому что не в моем обычае наживать самому себе головную боль.

Митинг, как и следовало ожидать, разошелся, но не ранее, как тот самый чиновник устроил панику, распорядившись запереть все лавки и закрыть окна ставнями и натворив еще бог знает сколько глупостей. Я прямо в глаза заявил ему, что он идиот, отдал сержанту приказ распустить милицию по домам (но быть готовыми прибыть по первому зову) и поскакал в Ренфрью.

Там я обнаружил Моррисона в состоянии крайнего отчаяния. Он поглядел на меня из-за двери, бледный, как мел, и спросил:

– Именем Господа, скажите, они идут? Почему вы не во главе своих войск, сэр? Неужели нас всех убьют из-за вашей халатности?

Я ясно дал ему понять, что никакой опасности нет, а если даже и есть, то его место – на фабрике, а обязанность – поддерживать порядок среди своих рабочих. При этих словах он истерически засмеялся. Будучи сам недюжинным трусом, я никогда не видел такого испуганного человека, могу заявить со всей ответственностью.

– Мое место здесь, – заныл он. – Я должен защищать мой дом и близких!

– Мне казалось, они сегодня в Глазго, – сказал я, входя в холл.

– Моя крошка Элспет осталась здесь, – простонал он. – Если толпа ворвется сюда...

– О, Боже, – вскричал я, выведенный из терпения идиотами типа того чиновника и Моррисона. – Да нет никакой толпы. Все разошлись по домам.

– И вы думаете, они там останутся? – завопил Моррисон. – О, они ненавидят меня, мистер Флэшмен, будь они прокляты! Что будет, если они придут сюда? Что будет со мной и моей бедной крошкой Элспет?

Бедная крошка Элспет сидела у окна, любуясь на свое отражение в стекле и не обращая внимания на шум. При взгляде на нее мне пришла в голову превосходная идея.

– Если вы так волнуетесь за нее, почему бы вам не отослать ее в Глазго, к остальным? – спросил я, стараясь не подать виду.

– Да вы с ума сошли, сэр? Одна, на дороге, как же так?

Я выразил готовность в целостности и сохранности доставить мисс к ее матушке.

– И бросить меня здесь? – возопил он. Тогда я предложил ему тоже поехать. Но старик отказался: позже я догадался, что у него в доме, по всей видимости, был тайник с деньгами.

Он еще довольно долго бурчал и охал, но в итоге страх за дочь – совершенно безосновательный в части толпы, – взял верх. И вот мы уселись в двуколку, я был за кучера. Мисс Элспет весело улыбалась при мысли о прогулке, а ее преданный папаша провожал нас последними наставлениями и испуганными воплями.

– Позаботьтесь о моей бедной крошке, мистер Флэшмен, – причитал он.

– Позабочусь, сэр, – отвечал я. И сдержал свое обещание.

В то время берега Клайда выглядели очень красиво, не то что в наши дни, когда их покрывают эти трупы. Как мне помнится, стояла легкая вечерняя дымка, а теплое солнце клонилось к закату. Проехав милю или две, я высказал предложение остановиться и погулять среди зарослей на берегу. Мисс Элспет была не против, и, оставив пони пастись на травке, мы направились к небольшой рожице. Я предложил присесть, и мисс Элспет снова была не против, о чем мне сообщила ее благодатная улыбка. Помнится, я прошептал ей на ушко пару комплиментов, поиграл с завитками волос, потом поцеловал. Мисс Элспет по-прежнему была не против. Затем я перешел собственно к делу, и непротивление мисс Элспет просто не имело границ. Даже через две недели на спине у меня виднелись отметины от ее ногтей.

Когда все кончилось, она лежала в траве, разморенная, словно приглаженный котенок, и некоторое время спустя спросила:

– Это и есть то, что наш проповедник называет «внебрачная связь»?

Я оторопел, но сказал, что да.

– Хм-м, – произнесла Элспет. – И почему он так против нее ополчился?

Смысл произошедшего дошел до меня, лишь когда мы стали собираться ехать дальше. Мне приходилось встречать недалеких женщин, и я понимал, что мисс Элспет занимает в их списке одно из почетных мест, но не допускал мысли, что у нее нет даже элементарных понятий об отношениях между людьми (хотя в свое время судьба сведет меня с несколькими замужними дамами, не имевшими понятия о связи между играми в постели и появлением детей). Элспет просто-напросто не понимала, что между нами произошло. Ей это наверняка

понравилось, но у нее не возникало даже мысли о последствиях этого события, о чувстве вины, о необходимости держать все в тайне. В ее случае невежество и глупость образовывали непробиваемый щит, отделяющий ее от мира, причем она была сама наивность.

Признаюсь, это испугало меня. Я уже представлял, как она счастливо щебечет: «Мама, ты ни за что не угадаешь, чем мы занимались с мистером Флэшменом сегодня вечером...» Не то чтобы это сильно заботило меня, поскольку после всего мне было наплевать на мнение Моррисонов обо мне, и если они не уследили за своей дочкой, тем хуже для них. Но чем меньше проблем, тем лучше: поэтому ради своего же блага ей стоит держать рот на замке.

Я проводил Элспет обратно к двуколке и помог залезть внутрь. Какая прелестная простушка, подумал я, и вдруг почувствовал некую привязанность к ней, чего не испытывал никогда по отношению к другим женщинам, хотя многие из них умели доставлять гораздо больше удовольствий, чем она. Мое чувство не основывалось на недавних упражнениях в траве: глядя на золотистые локоны, рассыпавшиеся по ее щекам, видя эту счастливую улыбку в ее глазах, я ощутил огромное желание быть рядом с ней не только в кровати, но и везде. Мне хотелось видеть ее лицо, тот жест, которым она поправляет волосы, и этот твердый, безмятежный взор, устремленный на меня. «Эгей, Флэши, – сказал я себе, – будь осторожен, сынок». Но это чувство, такое глупое и никчемное, не исчезло, и когда я окидываю мысленным взглядом прожитые годы, не нахожу воспоминания ярче, чем тот теплый вечер на берегу Клайда и лицо Элспет, улыбающееся мне среди деревьев.

Почти таким же ярким, но далеко не столь приятным, воспоминанием является для меня лицо Моррисона, когда несколько дней спустя он тряс перед моим носом кулаком и яростно орал:

– Ах ты мерзавец! Подлый соблазнитель! Господь свидетель, тебя надо повесить за это! Моя дочь! Прямо в моем собственном доме! Господи Боже! Пробрался сюда, словно подлая гадюка...

И еще много чего в том же духе. Я уже было решил, что его вот-вот хватит апоплексический удар. Мисс Элспет почти оправдала мои ожидания – за единственным исключением: она рассказала обо всем не матери, а Агнес. Но результат, разумеется, был абсолютно тот же, и весь дом встал на уши. Единственным человеком, не потерявшим спокойствия, была сама Элспет. Я, естественно, отрицал все обвинения, но когда Моррисон поставил передо мной «жертву бесчестья», как он это называл, она подтвердила, что это было и случилось на берегу реки по дороге в Глазго. Было ли это по простоте душевной? Вот вопрос, на который я так никогда и не нашел ответа.

При таком раскладе не было смысла отпираться далее. Тогда я сменил тактику и рубанул Моррисону прямо в глаза: чего, дескать, он хотел, оставляя красивую девушку наедине с мужчиной? Мы в армии ведь не монахи, заявил я, на что он зарычал от ярости и запустил в меня чернильницей, но, к счастью, промахнулся. В этот момент на сцене появились остальные. Дочери пылали гневом, – за исключением Элспет, – а миссис Моррисон накинулась на меня с таким зверским выражением лица, что я поджал хвост и обратился в бегство, спасая свою шкуру.

Мне пришлось покинуть дом, даже не собрав пожитки, – их, кстати, мне так и не выслали. Обосноваться я решил в Глазго. В Пэйсли явно становилось жарковато, и я планировал поговорить с местным командиром и объяснить, как джентльмен джентльмену, что будет лучше, если меня направят куда-нибудь в другое место. Меня беспокоило, что он тоже может оказаться одним из этих проклятых пресвитериан, так что я отложил поход к нему на пару дней. В результате этот визит так и не состоялся. Вместо этого мне пришлось самому принимать визитера.

Им оказался крепко сложенный, подвижный тип лет пятидесяти, с военной выправкой, загорелым лицом и колючими серыми глазами. В нем было нечто, выдававшее спортсмена, но, войдя в комнату, он принял деловой вид.

– Мистер Флэшмен, полагаю? – спрашивает он. – Меня зовут Эберкромби.

– Тогда желаю вам удачи, мистер Эберкромби, – отвечаю я. – Я сегодня не намерен ничего покупать, так что закройте дверь и уходите.

Он пристально посмотрел на меня, слегка склонив голову набок.

– Ну, хорошо, – говорит. – Это облегчает дело. Я полагал, что вы можете оказаться из породы слизняков, но вижу, что вы из тех, кого называют плунжеры.

Я поинтересовался, какого черта он имеет в виду.

– Все очень просто, – отвечает он, преспокойнейшим образом усаживаясь в кресло. – У нас есть общие знакомые. Миссис Моррисон из Ренфрю – моя сестра. А Элспет Моррисон – моя племянница.

Это была не самая приятная новость, поскольку вид гостя не доставлял мне удовольствия. Слишком уж самоуверенным он выглядел. Пересилив себя, я посмотрел ему прямо в глаза и заявил, что у него чертовски хорошенькая племянница.

– Не сомневался, что вы держитесь такого мнения, – заявил он. – Обидно было бы узнать, что гусары не разбираются в таких вещах. – Эберкромби не спускал с меня глаз, так что я повернулся и отошел в другой конец комнаты. – Дело в том, – продолжал он, – что мы готовимся к свадьбе. Вам не стоит терять времени.

Я взял было бутылку и стакан, но, услышав это заявление, едва не выронил их. У меня перехватило дыхание.

– Что, черт возьми, вы хотите сказать? – говорю я. Потом расхохотался. – Вы действительно думаете, что я женюсь на ней? Ей богу, да вы с луны свалились!

– Это почему?

– Потому что я не настолько глуп, – говорю я. Вдруг я почувствовал огромную злость по отношению к этому человеку и его манере говорить со мной. – Если бы каждая девчонка, которой взбрела в голову мысль покувыркаться в кровати, выходила замуж, откуда взялось бы столько старых дев, а? И неужели вы думаете, что из-за такого пустяка я стану жениться?

– А честь моей племянницы?

– Честь вашей племянницы! Честь дочери какого-то фабриканта! О, я разгадал вашу игру! Хорошенькая возможность устроить свои дела, не так ли? Шанс выдать племянницу за джентльмена? Почуяли запах добычи, дружок? Тогда позвольте заявить вам...

– Что до хорошей возможности, – прервал он меня, – то я скорее предпочел бы выдать ее за какую-нибудь темнокожую обезьяну, чем за вас. Должен понимать так, что вы отказываетесь от чести предложить руку моей племяннице?

– Черт вас побери, идиот! Вы понимаете правильно. А теперь убирайтесь!

– Превосходно, – заявляет он, сверкнув глазами. – Этого я и ожидал. – Он поднялся и расправил сюртук.

– Что вы имеете в виду, проклятье?

Он улыбнулся.

– Я пришлю к вам своего друга. Он уладит все дела. Мне не по душе дуэли, но в данном случае мне доставит огромное удовольствие вогнать в вас пулю или клинок, – и он нахлобучил на голову шляпу. – Осмелюсь предположить, знаете ли, что дуэлей в Глазго не было лет уже пятьдесят или больше. Эта станет настоящей сенсацией.

Я растерялся, но быстро пришел в себя.

– Бог мой, – говорю я с ухмылкой, – уж не думаете ли вы, что я стану с вами драться?

– А почему нет?

– Джентльмен может драться с джентльменом, – говорю я и бросаю на него уничижительный взгляд. – Но не с лавочником.

– И снова вы заблуждаетесь, – с улыбкой говорит он. – Я адвокат.

– Так и читайте свои законы. С адвокатами мы тоже не деремся.

– Готов согласиться, если вам угодно. Но вы не можете отказать своему собрату-офицеру, мистер Флэшмен. Хотя, как вы видите, я и не служу в данный момент, ранее мне выпала честь состоять в чине капитана в Девяносто третьем пехотном сазерлендском. Вам приходилось слышать о нем? Мне даже довелось принять участие в боях. – Его улыбка стала почти радушной. – Если вы сомневаетесь в моей *bona fides*²⁴, ее может подтвердить мой бывший командир, полковник Колин Кэмпбелл.²⁵ Всего доброго, мистер Флэшмен.

Он почти подошел к двери, когда я наконец снова обрел голос.

– К дьяволу вас, да и его тоже! Я не стану драться!

Он повернулся.

– В таком случае, я буду иметь удовольствие отстегать вас хлыстом прямо на улице. И я это сделаю. Ваш командир – лорд Кардиган, если не ошибаюсь? – будет счастлив прочитать об этом случае в «Таймс», можете не сомневаться.

Он вцепился в меня мертвой хваткой, это я понял сразу. Это будет концом моей карьеры – получить удар от этого чертова пехотинца-деревенщины, да еще и отставного. Я стоял, обуреваемый яростью и страхом, и проклинал тот день, когда положил глаз не его проклятую племянницу. Мой мозг напряженно искал выход. Я решил сменить тактику.

– Возможно, вы не отдаете себе отчета, с кем имеете дело, – заявил я и поинтересовался, не приходилось ли ему слышать о деле Бернье: я был уверен, что отзвуки его докатились и до такой глуши, как Глазго, поэтому решил про него напомнить.

– Кажется, припоминаю некую статейку, – говорит он. – Мистер Флэшмен, вы намекаете, что я должен испугаться? Отступить? Да я только вернее стану наводить пистолет, не сомневайтесь!

– Черт побери, – вскричал я. – Пойдите.

Эберкромби остановился, внимательно глядя на меня.

– Ну ладно, чтоб вам пусто было, – говорю я. – Сколько вы хотите?

– Я предполагал, что до этого дойдет, – заявляет он. – Когда таких крыс, как вы, загоняют в угол, они хватаются за свой кошелек. Вы напрасно теряете время, Флэшмен. Я возьму у вас только обещание жениться на Элпет или вашу жизнь.

И мне не удалось поколебать его. Я просил, молил, клянчил о любой возможности откупиться от свадьбы. Я почти расплакался, но с таким же успехом мог пытаться разжалобить скалу. Женись или умри, стоял он на своем, и у меня почему-то сложилось убеждение, что старик чертовски ловко умеет обращаться с пистолетами. Делать было нечего: в конце концов я пошел на попятный и согласился жениться.

– А вы точно не хотите драться? – с огорчением спросил он. – Как жаль. Опасаюсь, что тем самым я связываю жизнь Элпет с гнилым человеком, но ничего не поделаешь.

И мы перешли к обсуждению вопросов, связанных со свадьбой: здесь он был знатоком.

Избавившись наконец от посетителя, я прибег к помощи бренди, и положение дел показалось мне уже не таким скверным. По крайней мере мне теперь не приходилось ломать голову, на ком жениться, и если у вас есть деньги, то жена – не такая уж страшная обуза. Вскоре нам предстоит уехать из Шотландии, и я никогда больше не увижу ее проклятую родню. Оставалась только одна проблема, зато большая – что я скажу отцу? Ни за что в жизни

²⁴ Добропорядочность (*лат.*)

²⁵ Употребленное мистером Эберкромби выражение «мой бывший командир» не вполне уместно, поскольку сэр Колин Кэмпбелл стал полковником 93-го гораздо позже. Впрочем, Эберкромби мог служить вместе с ним в Испании. (*Комментарии редактора рукописи*).

я не мог предугадать, как сатрап воспримет это событие. Конечно, вряд ли он отречется от меня, но скорее всего, устроит мне горячую встречу.

Я не стал ничего ему сообщать, пока дело не сделано. Произошло это в аббатстве Пэйсли. Здание было мрачным, а вид постных физиономий моих новых родственников со стороны невесты вызвал бы у вас тошноту. Моррисоны опять стали разговаривать со мной и держались на публике очень учтиво: все должно было выглядеть как любовь с первого взгляда, наповал сразившая красавца гусара и очаровательную провинциалочку, так что со мной обращались, как с образцовым зятем. Однако эта скотина Эберкромби держался поблизости, приглядывая, не собираюсь ли я дать деру, и в целом мероприятие оставило у меня крайне неприятный осадок.

Когда все было кончено, и гости, по старинному шотландскому обычаю, принялись напиваться в стельку, родители проводили меня и Элспет к экипажу. Нализавшийся папаша Моррисон устроил целый спектакль.

– Моя крошка! – гундосил он. – Бедная моя крошка!

Его бедная крошка, должен сказать, выглядела совершенно очаровательно, и нервничала не более, чем если бы ей предстояло выбрать пару перчаток, а не выйти замуж. Все происходящее она воспринимала без малейшего волнения, не выказывая ни огорчения, ни радости, и это, надо сказать, слегка задевало меня.

Папаша продолжал причитать, но, повернувшись ко мне, смог только издать тяжкий вздох и уступил место жене. Тут я хлестнул лошадей, и мы покатали прочь.

Ни за что в жизни мне не вспомнить, где мы провели медовый месяц: в каком-то съемом коттедже на побережье, но где именно – пробел. Элспет ни во что не вникала, и единственное, что выводило ее из состояния летаргии – наличие в ее кровати мужчины. Она оказалась более чем охоча до постельных игр: я научил ее нескольким трюкам Жозетты, которые ей очень понравились, и ко времени возвращения в Пэйсли был вымотан напроочь.

А там меня ждал удар, да такой, какого, полагаю, мне не приходилось переживать никогда в жизни. Вскрыв письмо и прочитав его, я в первый момент лишился дара речи. Чтобы вникнуть в его смысл, мне пришлось перечитать письмо еще раз.

«Лорду Кардигану (*значилось там*) стало известно о браке, заключенном недавно между офицером его полка мистером Флэшменом и мисс Моррисон из Глазго. Это событие его светлость намерен понимать так, что указанный мистер Флэшмен не желает продолжать службу в Одиннадцатом гусарском (Принца Альберта полку), но хочет либо подать в отставку, либо перевестись в другой полк».

И это все. Подписано было Джонсом – подхалимом Кардигана.

Видимо, я что-то произнес, поскольку Элспет подошла ко мне. Обняв меня, она поинтересовалась, в чем дело.

– Дела скверные, – ответил я. – Мне нужно немедленно отправляться в Лондон.

При этих словах она завизжала от восторга и принялась возбужденно щебетать о больших перспективах, о выходе в свет, о жительстве в столице, о встрече с моим отцом (спаси, Господи) и тому подобной чепухе. Я чувствовал себя слишком разбитым, чтобы обращать на нее внимание, и просто сидел среди коробок и чемоданов, перенесенных в нашу спальню из экипажа. Помнится, я разок обругал ее душой и посоветовал придержать язык, что заставило ее замолчать, но не более чем на минуту; потом она снова принялась за свое, горячо обсуждая вопрос, стоит ли ей нанять французскую горничную или обойтись английской.

Все время по пути на юг я пребывал в ярости и сгорал от нетерпения увидеться с Кардиганом. Я догадывался, что произошло: чертов дурак прочитал объявление о свадьбе и счел Элспет «недостойной партией» для одного из своих офицеров. Для вас это, наверное, звучит дико, но в те дни такое было принято в полках, подобных Одиннадцатому. Дочери людей из общества считались подходящими, но отпрыски торговцев или представителей средних

классов были анафемой для его высоковознесшейся светлости лорда Кардигана. Но я не позволю ему задирать передо мной нос, если ему вздумается. Так я убеждал себя, будучи совсем молодым и зеленым.

Для начала я отвез Элспет домой. Во время медового месяца я отписал отцу, и он прислал мне ответ: «И кто же, Бога ради, эта несчастная? Понимает ли она, во что вляпалась?» Так что на этом фронте все было в порядке. И первым человеком, которого мы встретили, прибыв в дом, оказалась Джуди, облаченная в костюм для верховой езды. Увидев Элспет, она удостоила меня ироничной улыбки: хитрая бестия, видимо, догадывалась, что явилось причиной свадьбы. Но я не остался в долгу.

– Элспет, – говорю я. – Это Джуди, содержанка моего отца.

При этих словах щеки ее вспыхнули, и я оставил женщин продолжать знакомство, а сам отправился искать сатрапа. Его, по обычаю, не оказалось дома, так что я направился напрямик к Кардигану, которого нашел в его городском доме. Поначалу, получив мою карточку, он отказался принять меня, но я отшвырнул лакея в сторону и ворвался внутрь.

Разговор обещал быть жарким, на высоких тонах, но этого не случилось. Едва взглянув на него, одетого в утренний халат и выглядящего так, словно он только что присутствовал на разводе у самого Господа Бога, я ощутил, как боевой дух выходит из меня. Когда лорд заинтересовался, что послужило причиной моего вторжения, я еле-еле сумел выдать вопрос: по какой причине он выгоняет меня из полка?

– Из-за вашей женитьбы, Фвэшмен, – отвечает он. – Вам следовало представить себе последствия этого шага. Это недопустимо, вы же знаете. Веди, без всякого сомнения, являешься достойной моводой женщиной, но по происхождению она – никто. При таких обстоятельствах ваша отставка – дево решенное.

– Но она из хорошей семьи, милорд, – говорю я. – Уверяю, ее родители – уважаемые люди. Отец...

– Ввадевец фабрики, – оборвал он меня. – Ну-ну. Так не пойдет. Дорогой сэр, неужели вы не думаете о своем поведении? О своем поведении? Что я должен ответить, если меня спросят: «А кто жена мистера Фвэшмена? Да ее отец ткач из Гвазго, разве вы не знаете?» – Так что ви?

– Но это убьет меня! – я готов был зарыдать, натолкнувшись на снобизм этого тупоголового субъекта. – Куда я направлюсь? В какой полк меня возьмут после того, как выгонят из Одиннадцатого?

– Вас не выгоняют, Фвэшмен, – весьма любезно заметил он. – Вы уходите в отставку. Это разные вещи. Ну-ну. Вас переведут. Это не свожно. Вы нравитесь мне, Фвэшмен, я возвагав бовышие надежды на вас, но вы разрушили их своей гвупостью. Не скрою, я быв невяратно взбешен. Но я помогу вам: у меня есть связи в Конной гвардии, смею вас уверить.

– Куда же меня направят? – тоскливо спросил я.

– Я подумав об этом, позвольте вам заявить. Было бы невяправивьно переводиться в другой повк здесь, в Ангвии. Повагаю, двя вас вучше будет отправиться в ковонии. В Индию. Да...

– В Индию? – я в ужасе уставился на него.

– Да, именно. Там и деваются карьеры, разве вы не знави? Посвужите там невясколько вет, и история с вашей отставкой забудется. И по возвращении домой можете рассчитывать на новое назначение.

Он был так мягок, так убедителен, что у меня не нашлось возражений. Теперь я понимаю, что он думал обо мне тогда: в его глазах я выглядел ничуть не лучше, чем те «индийские» офицеры, которых он так презирал. О, да, на свой лад Кардиган был добр со мной: в Индии действительно можно было «сдевать карьеру» – для того, кому не оставалось иного шанса и кому удастся выжить среди лихорадки, жары, чумы и враждебных туземцев. В тот момент мои акции оказались на самой низшей точке: я почти не видел его бледной ари-

стократической физиономии, не слышал этого мягкого голоса. Все, что я чувствовал – это глухую ярость, и глубоко укоренившееся убеждение – куда бы я ни поехал – это будет не Индия, и даже тысяча Кардиганов не заставит меня.

– Значит, ты едешь? – сказал отец, когда я рассказал ему все.

– Да будь я проклят, если поеду, – ответил я.

– Ты будешь проклят, если не поедешь, – весело хмыкнул он. – А что тебе еще остается делать?

– Уйду со службы.

– Ничего подобного, – отрезал папаша. – Я купил тебе эполеты, и ты будешь носить их.

– Ты не сможешь меня заставить.

– Верно. Но с того дня, как ты их снимешь, ты не будешь получать от меня ни единого пенни. Как ты тогда станешь жить, а? Да еще содержать жену? Нет-нет, Гарри, раз заказал волынку, плати волынщику.

– Ты считаешь, что я должен ехать?

– Именно так. Послушай-ка, сын мой и, возможно, мой наследник. Я объясню тебе, что к чему. Ты мот и мошенник, – должен признать, что в этом есть и моя вина, но это к слову. Мой отец тоже был мошенником, но я стал, в некотором роде, человеком. Такой шанс есть и у тебя. Но только в том случае, если тебя не будет здесь. Тебе необходимо загладить последствия своего безрассудства – и это означает путь в Индию. Ты меня понимаешь?

– Но как же Элспет? Ты знаешь, что там не место для женщин.

– Тогда оставь ее здесь. Хотя бы на первое время, пока немного не обустроишься. А она лакомый кусочек, эта девочка. И не смотрите на меня такими жалобными глазами, сэр: как-нибудь обойдетесь без нее до поры. В любом случае в Индии тоже есть женщины, и ты можешь творить все, что заблагорассудится.

– Но это нечестно! – вскричал я.

– Нечестно? Значит так: запомни раз и навсегда: в этом мире все нечестно, юный осто-лоп. И перестань бубнить, что не можешь уехать и оставить ее – здесь ей ничего не грозит.

– С тобой и Джуди, должен я понимать?

– Со мной и Джуди, – спокойно ответил он. – И я не уверен, что в компании распутника и шлюхи ей будет хуже, чем в твоей.

Вот так я и отправился в Индию; вот что лежало в начале моей головокружительной военной карьеры. Я чувствовал, что со мной обошлись гнусно, и если бы у меня хватило храбрости, послал бы папашу ко всем чертям. Но я был в его власти, и он это знал. Даже если бы разговор шел не только о деньгах, я не смог бы устоять перед ним, как не смог устоять перед Кардиганом. Из-за этого они оба были мне ненавистны. Со временем я несколько переменил мнение о Кардигане, поскольку на свой надменный, снобистский лад он пытался быть добрым со мной, но отца я не простил никогда. Он подложил мне свинью, и знал это, и развлекался за мой счет. Но что меня злило больше всего, так это его неверие в мои добрые чувства по отношению к Элспет.

V

Возможно, есть страны более подходящие для несения службы, чем Индия, но я их не видел. Может, вам приходилось слышать болтовню молокососов о жаре, мухах, дерьме, туземцах и болезнях? К первым трем вещам можно привыкнуть. Пятой легко избежать, имея хоть немного здравого смысла. Что до туземцев, то где еще можно найти такое количество послушных и неприхотливых рабов? Мне они больше по душе, чем, например, шотландцы: их язык легче для восприятия.

Но если отбросить все это, откроется другая сторона. В Индии есть власть – власть белого человека над черным; а власть – это весьма славная штука. Там все проще, есть много времени для занятий любым делом, всегда найдется хорошая компания, и нет никаких рамок, сковывающих нас дома. Вы можете жить в свое удовольствие, царствуя среди ниггеров, а если у вас есть деньги и связи – как у меня, скажем, ваша жизнь будет проходить среди лучшего общества, окружающего генерал-губернатора. Кроме того, к вашим услугам столько женщин, сколько вам заблагорассудится.

Там также можно сделать деньги, если вам повезет участвовать в военных кампаниях и вы сумеете правильно определить более выгодную. За все годы своей службы я не получил в виде жалованья даже половины той суммы, которую захватил в Индии в качестве добычи. Но это уже совсем другая история.

Но обо всем этом я даже не догадывался, когда бросил якорь в Хугли, близ Калькутты. Я смотрел на красные берега реки, обливаясь потом от жары, вдыхая вонь и мечтая оказаться хоть в аду, но только не здесь. Позади у меня было чертовски утомительное четырехмесячное путешествие на борту раскаленного пакетбота, где не было никаких развлечений, и я ожидал, что и в Индии будет ничуть не лучше.

Предполагалось, что я должен буду поступить в один из сипайских уланских полков Ост-Индской компании в округе Бенарес, но этого так и не случилось.²⁶ Неповоротливость армейской машины позволила мне застрять в Калькутте на несколько месяцев, пока не прибыли соответствующие бумаги, и я поспешил ухватить фортуна под уздцы.

На первое время я устроился в Форте, вместе с артиллерийскими офицерами сипайских частей, которые оказались неважной компанией и от обедов с которыми я едва не дал дуба. Начнем с того, что еда оказалась скверной. Когда черные повара подавали на стол свое варево, создавалось стойкое впечатление, что на него даже шакал не польстится.

Так я и заявил во время первого обеда, чем вызвал бурю протестов со стороны этих джентльменов, державших меня за Джонни-новобранца.

– Недостаточно хорошо для плунжеров, не так ли, – говорит один. – Простите, у нас нет всяких там фуа-гра для вашей светлости, и мы должны извиниться за отсутствие серебряных тарелок.

– И вы всегда это едите? – поинтересовался я. – Что это?

– Что за блюдо у вашего сиятельства? – продолжал он издеваться. – Это называется карри, да будет вам известно. Отбивает вкус тухлого мяса.

– Если это единственное, что оно отбивает, я буду очень удивлен, – буркнул я с отвращением. – Человеку не под силу проглотить такое дерьмо.

²⁶ Военная служба в полках Ост-Индской компании считалась менее почетной, чем в регулярной армии, и Флэшмен, видимо, знал это, любой ценой стараясь уклониться от нее. В распоряжении компании в то время имелись собственные артиллерийские, инженерные и пехотные офицеры, проходившие подготовку в училище Эддискомби, но кавалерийские офицеры назначались непосредственно директорами компании. Кардиган, проявивший, по всей видимости, участие к Флэшмену (умение лорда судить о людях – когда он снисходил до того, чтобы оценивать их, – можно охарактеризовать не иначе, как плачевное), вероятно, имел определенное влияние в Департаменте. (*Комментарии редактора рукописи*).

– Но мы-то глотаем, – говорит другой. – Значит, мы не люди?

– Вам, конечно, виднее, – говорю я. – Но если хотите, могу дать добрый совет: повесьте своего повара.

С этими словами я удалился, предоставив им ворчать мне вслед, сколько вздумается. Как я узнал, их стол оказался не хуже многих других в Индии, а то и лучше. То, чем люди здесь питаются, совершенно невыносимо, и меня до сих пор удивляет, как они выживают в этом кошмарном климате с такой ужасной едой. Правильный ответ кроется, наверное, в том, что многие как раз и не выживают.

Как бы то ни было, для меня стал очевиден факт, что лучше будет самому позаботиться о собственном обустройстве. Поэтому я позвал Бассета, которого привез с собой из Англии (маленький ублюдок, не знаю почему, едва не разревелся, узнав, что должен будет расстаться со мной при моем уходе из Одиннадцатого), вручил ему горсть монет и дал приказ найти повара, дворецкого, грума и еще полдюжины слуг. Такой штат можно было нанять здесь за совершенно смешные деньги. Потом я отправился в караулку, разыскал туземца, сносно говорящего на английском, и занялся поисками подходящего дома.²⁷

Таковой нашелся неподалеку от форта: отличное местечко с маленьким садиком из кустарников и огражденной верандой. Мой ниггер нашел хозяина, оказавшегося жирным мерзавцем в красном тюрбане. Мы поторговались среди толпы галдящих темнокожих, и, вручив ему половину от запрошенной вначале суммы, я стал устраиваться в доме. Первым делом я призвал повара и сказал ему через моего ниггера-переводчика:

– Ты будешь готовить, и должен делать это чисто. Смотри, мой руки, и не покупай ничего, кроме самого лучшего мяса и овощей. Если сделаешь что-то не так, я вот этой самой плетью так исполосую тебе спину, что ни одного живого клочка не останется.

Он бормотал что-то, кивая и кланяясь, а я ухватил его за загривок, повалил на пол и стал обхаживать плетью, пока тот, стая, не выкатился на веранду.

– Скажи ему, что если еда окажется несъедобной, такое ждет его с утра до ночи, – сказал я ниггеру. – И пусть остальным это послужит уроком.

Все они завывали от страха, но работали на совесть, особенно повар. Я каждый день находил повод выпороть кого-нибудь, ради их блага и собственного развлечения и в результате этой предосторожности за все время своего пребывания в Индии мучился только от приступов лихорадки, но этого уж никто не в силах избежать. Повар, как выяснилось, оказался хорошим, а с остальными Бассет управлялся горлом и сапогом, так что мы довольно недурно устроились.

Мой ниггер, которого звали Тимбу-и-как-то-там-еще, поначалу оказался очень полезен, так как говорил по-английски, но через несколько недель я его выгнал. Мне уже пришлось говорить, что у меня есть талант к языкам, но только прибыв в Индию, я сумел раскрыть его. С греческим и латынью в школе у меня была беда, поскольку я ими совершенно не занимался, но язык, на котором говорят вокруг тебя, – совершенно иное дело. Каждый язык для меня воспринимается как ритмический ряд, и мое ухо способно буквально захватывать его звуки: даже не понимая слов, я могу уловить смысл сказанного, а мой язык с легкостью приспособливался к любому акценту. Так или иначе, послушав Тимбу пару недель и позадавав ему вопросы, я научился довольно сносно объясняться на хинди и рассчитал парня. Кроме того, у меня появился более интересный учитель.

Ее звали Фетнаб, я купил ее (неофициально, конечно, но разницы никакой) у одного торговца, ремеслом которого была поставка наложниц британским офицерам и гражданским

²⁷ Ост-Индская компания не занималась обеспечением жильем прибывающих, предполагалось, что они могут воспользоваться гостеприимством соотечественников или оплатить свои апартаменты самостоятельно. (*Комментарии редактора рукописи*).

чиновникам из Калькутты. Она обошлась мне в пятьсот рупий, это около пятидесяти гиней, и при этом сделка была грабительской. Девчонке, по моему разумению, было лет шестнадцать, у нее было весьма смазливое личико с раскосыми карими глазками и золотым колечком, продетым в ноздри. Как у большинства индийских танцовщиц, ее фигура напоминала песочные часы: талия в обхват из ладоней, полные, похожие на дыни, груди и пышный зад.

Она, возможно, была немного толстовата, зато знала девяносто семь способов заниматься любовью, что, по мнению индусов, еще не много. Впрочем, скажу вам, все это ерунда, поскольку на деле семьдесят четвертая позиция оказывается той же семьдесят третьей, только со скрещенными пальцами. Но она познакомила меня со всеми, так как очень ответственно подходила к своей работе, и часы напролет умащивала себя благовонными маслами и делала специальные индийские упражнения, позволяющие поддерживать себя в форме для ночных забав. Уже через пару дней с ней я все реже стал вспоминать про Элспет, и даже Жозетта меркла в сравнении с Фетнаб.

Помимо этого она оказалась мне полезной и в ином деле. В промежутках между раундами мы болтали. Она оказалась изрядной трещоткой, и я почерпнул от нее больше познаний в хинди, чем от любого мунши²⁸. Вот вам мой добрый совет: хотите по-настоящему изучить иностранный язык – занимайтесь им в постели с местной девчонкой. За час упражнений со шлюхой-гречанкой я бы намного сильнее продвинулся в греческом, чем за четыре года за партой у Арнольда.

Вот так я проводил время в Калькутте: ночи с Фетнаб, вечера – в каком-нибудь салоне или в гостях, днем совершал прогулки верхами, стрелял или охотился, а иногда просто бродил по городу. Среди ниггеров я стал почти легендарной фигурой, поскольку умел разговаривать на их языке в отличие от большинства офицеров того времени, даже тех, кто много лет прожил в Индии – им было или недосуг изучать хинди, или они считали себя выше этого.

Учитывая новый род кавалерии, в котором мне предстояло служить, я освоил новое искусство – обращения с пикой. Будучи гусаром, я неплохо проявил себя в упражнениях с саблей, но пика являлась для меня чем-то новеньким. Любой дурак сможет держать ее и скакать по прямой, но если вы хотите извлечь из нее хоть какую-нибудь пользу, нужно уметь так управляться со всеми ее девятью футами, чтобы быть способным поднять острием с земли игральную карту или подколоть бегущего кролика. Мне хотелось блеснуть перед людьми из Компании, поэтому я нанял в качестве учителя риссалдара²⁹ из Бенгальской кавалерии. У меня не было иных намерений, кроме как научиться поражать своим искусством простофиль или охотиться на диких свиней, и мысль использовать пику против вражеской конницы никогда не вдохновляла меня. Однако эти уроки как минимум однажды спасли мне жизнь, так что деньги оказались потрачены не зря. Они также оказали влияние на ближайшее мое будущее, хотя и несколько странным образом.

Как-то утром на майдане³⁰ я занимался с моим риссалдаром, крупным, худым, угловатым парнем из пограничного племени патанов по имени Мухаммед Икбал. Он был прекрасным наездником и превосходно управлялся с пикой, и под его руководством я быстро продвигался в этой науке. Тем утром мы тренировались на деревянных кольях, и мне удалось подколоть их столько, что мой учитель, ухмыляясь, заметил, что ему уже в пору самому брать у меня уроки.

Мы уже уезжали с майдана, почти пустого тем утром, если не считать паланкина, сопровождаемого двумя офицерами (что слегка пробудило мое любопытство), когда Икбал

²⁸ Мунши – учитель, как правило, языка. – *Перевод некоторых повторяющихся иностранных слов и выражений см. в конце книги.*

²⁹ Риссалдар – туземный офицер кавалерийских частей.

³⁰ Майдан – поле, место для упражнений.

вдруг закричал: «Смотри, хузур³¹, вот мишень получше маленьких колышков!» – и показал на дворняжку, вынюхивающую что-то ярдах в пятидесяти от нас.

Икбал выставил пику и поскакал на собачку, но та увернулась и бросилась наутек. Я издал охотничий крик «Талли-ху!» и ринулся за ней. Икбал был по-прежнему впереди, я отставал от него не более чем на пару корпусов, когда парень сделал еще одну попытку подколоть дворнягу, с визгом мчащуюся вперед. Он снова промахнулся и крепко выругался, а собака внезапно вертанулась прямо под копытами его лошади и прыгнула на ногу риссалдара. Я опустил пику и ловко проткнул псину насквозь.

С торжествующим воплем поднял я ее над собой, еще трепыхающуюся и визжащую, и сбросил за спину.

– Шабаш!³² – воскликнул Икбал, а я принялся потешаться над ним, как вдруг раздался чей-то голос.

– Эй, вы! Да, вы, сэр! Можно вас на минутку? Подойдите, пожалуйста!

Голос доносился из паланкина, к которому нас привела погоня. Занавески были откиннуты. Окликнувший меня оказался дородным, сурового вида мужчиной в сюртуке, с сильно загорелым лицом и совершенно лысой головой. Шляпу он снял и непрерывно обмахивался ею, следя за моим приближением.

– Доброе утро, – очень вежливо говорит он. – Могу я поинтересоваться, как вас зовут?

Не требовалось даже присутствия рядом с паланкином двух верховых щеголей, чтобы понять, что это высокопоставленный чиновник. Теряясь в догадках, я представился.

– Мои поздравления, мистер Флэшмен, – продолжает он. – За целый год мне не приходилось видеть лучшего примера обращения с пикой: будь у нас целый полк из таких, как вы, нам нечего было бы бояться сикхов и афганцев, не так ли, Беннет?

– Конечно, сэр, – согласился один из франтоватых адъютантов, глядя на меня. – Мистер Флэшмен? Я, кажется, слышал это имя. Вы не служили до отъезда из Англии в Одиннадцатом гусарском?

³¹ Хузур – господин, повелитель в значении «сэр» (пуштунский эквивалент «сагиб»).

³² Шабаш! – браво!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.